

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Stalingrad
станция метро

Виктория Платова
Stalingrad, станция метро

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Stalingrad, станция метро / В. Е. Платова — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-099883-8

Елизавете всего восемнадцать. Отзывчивая добрая душа в тюрьме огромного, отталкивающего окружающих тела. Лиза мечтает о богатстве, о любви, о фигуре, как у Кэтрин Зета-Джонс. Но работать ей приходится в собесе, в жестокой реальности, где царят цинизм, прагматичность, немощность, алкоголизм и смерть. И с чего бы это Елизавета потянулась к одному из подопечных – к типу нетрадиционной сексуальной ориентации, вдобавок больному СПИДом? Ведь девушка фантазировала о принце, об этом инопланетном дельфине. И вот – он пришел, закрутил и увлек ее в волшебный мир неуловимых грез...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099883-8

© Платова В. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Виктория Платова

Stalingrad, станция метро

© Платова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

МОЛЕСКИН

* * *

...Будучи купленной, эта вещь теряет две трети своего обаяния. Нет, три четверти. Нет – девяносто девять целых и девять десятых процента. Примерно так думала Елизавета Карловна Гейнзе, доедая яблочный штрудель и сверля вещь глазами.

Неделю назад Елизавете Гейнзе исполнилось двадцать. Дата не слишком почтенная и мало подходящая для употребления отчества: крамольная мысль о нем выползает, когда смотришь на Елизавету со спины. Со спины она похожа на мать семейства, которая большую часть жизни провела на сидячей работе и нажила не только полтора (а то и два) десятка лишних килограммов, но и сколиоз, остеохондроз и отечность лодыжек.

Из всего вышеперечисленного Елизавету волнуют лишь лодыжки: из-за тенденции к распуханию они не влезают ни в одни сапоги с логотипом более-менее приличной страны-производителя. А именно сапоги являются для юной Гейнзе предметом культа – гораздо более продолжительного, чем культ **ТТ**, но время **ТТ** в нашем повествовании еще не пришло.

Итак, сапоги.

Когда Елизавета делает вид, что слушает собеседника, или на самом деле слушает его; когда Елизавета думает о чем-то возвышенном и прекрасном и не занята при этом пожиранием сладкого – она рисует сапоги. На салфетках, обрывках бумаги, на обратной стороне счетов, на чеках из ближайшего кафе: в них, кроме яблочного штруделя, как правило, значатся:

шоколадный маффин,
шоколадный эклер,
шоколадно-ягодная корзинка,
благословенное тирамису.

В моменты просветления, по совместительству являющиеся и моментами самобичевания, место шоколадного эклера занимает круассан, а место шоколадно-ягодной корзинки – ватрушка с творогом.

На фигуре Елизаветы подобная жертвенность никоим образом не отражается.

– Лизелотта – ты чудовище! – воздевает руки к небесам Пирог. – Карьеры с такой жопой ты не сочинишь, как бы ни старалась.

– Возьмись за ум, Лайза! – вопиет Шалимар. – С такой жопой тебе не светит не то что олигарх, но и сраный менеджер по продажам. Твой потолок – токарь-карусельщик!..

Пирог и Шалимар (в миру – Машка Пирожкова и Ольга Шалевич) – единственные подруги Елизаветы, наследие не такого уж далекого школьного прошлого. Проблем со втискиванием лодыжек в сапоги у них нет и никогда не было, при этом Пирог предпочитает испанские модели (они более практичные), а Шалимар – итальянские. У Шалимара масса воздыхателей, а у Пирого – масса перспектив. Шалимар читает исключительно глянцево-журнальные, Пирог же с головой погружается в специальную и околоспециальную литературу. Любимый персонаж Шалимара – Кэрри Брэдшоу из «Секса в большом городе». Любимый персонаж Пирого –

некто по имени Наоми Кляйн. Впрочем, Елизавета не до конца уверена, что это именно персонаж. Скорее речь идет о писательнице-манифестантке, новоявленной Жанне д'Арк общества потребления. Пирог поклоняется ей, хотя и с гораздо меньшим фанатизмом, чем Елизавета поклонялась ТТ.

В ежедневном меню Пирого преобладают фруктовые салаты. Шалимар налегает на коктейли из морепродуктов и вообще – на коктейли (в основном алкогольные). Пирог с упоением строит карьеру, Шалимар – с неменьшим упоением – строит мужчин.

Они терпеть не могут друг друга и видятся один раз в год – на дне рождения у Елизаветы. Еще пару лет назад речь о такой жесткой конфронтации не заходила и они мирно встречались в близлежащих кафе – все втроем. Но то ли Пирог сказала Шалимару, что накладно добиваться жизненных благ, стоя раком (*спину-де может потянуть*); то ли Шалимар пообещала соблазнить потенциального начальника Пирого и выкинуть ее таким образом с потенциальной престижной должности, – факт остается фактом. Общаться напрямую они перестали. Но это вовсе не означает, что Пирог не думает о Шалимаре, а Шалимар не думает о Пирого. Думают, еще как думают – оставшиеся 364 дня в году.

– Ну и как там Шалимар? – первым делом спрашивает у Елизаветы Пирог во время традиционной встречи в первый понедельник месяца.

– Умотала со сталелитейным магнатом на остров Пасхи, – флегматично сообщает Елизавета.

– Ну и как там Пирог? – первым делом спрашивает у Елизаветы Шалимар во время традиционной встречи в третью пятницу месяца.

– Пересела на «Фольксваген Туарег», – флегматично сообщает Елизавета.

И остров Пасхи со сталелитейным магнатом, и чумовой внедорожник – плод ее воображения, не более. Пирог ездит на подержанном «Форде», а самыми крупными особями из постоянно заплывающих в сети Шалимара косяков до сих пор числились хавбек дублирующего состава сборной города по мини-футболу, владелец автостоянки и младший партнер в адвокатской конторе «Кошкин и Чемеркин» («Писькин и Пиписькин», как злорадно шутила по поводу младшенького и его конторы Пирог). Кормя подруг баснями, Елизавета не преследует никакой корыстной цели. Просто наслаждается произведенным ее словами эффектом, а он всегда одинаков: Пирог бледнеет как полотно и принимается трясти подбородком. Шалимар, напротив, краснеет и – вместо подбородка – трясет губами.

Вердикт, который они выносят, тоже не отличается особым разнообразием:

– Вот сучка!..

Но одной «сучкой» дело не ограничивается: на протяжении еще как минимум пятнадцати минут Пирог и Шалимар льют помой на более удачливую, как им кажется, соперницу. За время словесной экзекуции Елизавета успевает набросать на салфетке четыре пары сапог классического образца. Сапоги похожи друг на друга как братья – варьируется лишь высота голенища и рисунок на нем (предпочтение отдается растительным орнаментам и стилизованному изображению земноводных). Попутно она думает о токаре-карусельщике – единственном, кто, по мнению Шалимара, может клюнуть на толстую жопу г-жи Гейнзе. Прежде всего Елизавете представляется огромная – вся в огнях и фейерверках – карусель с полагающимся случаю традиционным бестиарием: слонами, верблюдами, львами и крокодилами, а также примкнувшими к ним северными оленями. Эти конкурирующие в живой природе виды вполне мирно уживаются на одном подиуме, вот у кого Шалимару и Пирого надо бы поучиться толерантности!.. Карусель – не какое-нибудь абстрактное сооружение, Елизавета специально ездила в городской парк развлечений «Диво-остров», чтобы изучить ее в подробностях. И даже зарисовала объект в потрепанном блокноте, на время изменив магистральной сапожной теме. Получилось симпатично. А вот человека, приставленного к карусели, симпатичным ни при каком раскладе не назовешь.

Отвратный тип. Старпер. Конченный ханыга.

Ханыга самым бесцеремонным образом шуганул Елизавету Карловну, стоило ей приблизиться к карусели на расстояние полутора метров, вытащить блокнот и нанести первые штрихи.

– Чего это ты тут вынюхиваешь? – гаркнул он едва ли не над самым Елизаветиным ухом.

– Ничего... А вы здесь работаете?

Елизавета всегда придерживалась теории, что вежливость, кротость и участие – ключ к любому сердцу. Но место сердца у ханыги, по-видимому, прочно занимала емкость с паленой водкой, и потому самый обычный вопрос, срикошетив от бутылочного стекла, вернулся к Елизавете довольно неожиданным ответом:

– Не твое собачье дело! Хромай отседова, кобыла! Проваливай подобру-поздорову. Всё ходит тут, всё пишут... Хоть бы вы повыздохли все, писаки.

– А что это вы со мной так разговариваете? – Елизавета была уязвлена. – Оскорбляете и вообще... Сами вы кобыла.

– Хромай-хромай.

– Когда захочу, тогда и похромаю. Но вынуждена вас предупредить: хамство вам с рук не сойдет. Кто у вас здесь начальник?

– Дед Пихто.

Ханыга и сам был похож на фольклорного деда Пихто в его классическом варианте: свалывшаяся борода, сизый бородавчатый нос и лишенная какой-либо основательности мелко-травчатая фигура. Такого можно свалить с ног одним щелчком и окончательно добить единственным правильно выбранным словом. Словом – бейсбольной битой, словом-аркебузой, словом – пушечным ядром. Беда в том, что таких слов в лексиконе Елизаветы Гейнзе нет. Они есть у кого угодно – у Пирога, у Шалимара, у кондуктора в трамвае, у охранника в супермаркете, у президента, у китайцев, у **ТТ** (конечно же, в первую очередь – у **ТТ!**), а у Елизаветы – нет. Лексикон Елизаветы похож на свалку никчемных и пыльных, затянутых паутиной зеркал: их поверхность приходит в движение лишь тогда, когда на горизонте появляется чей-то другой (гораздо более многоцветный и многообещающий) набор реплик, афоризмов и стойких идиоматических выражений.

Стоя у проклятой карусели, Елизавета как раз и обогатилась одним из таких выражений: «хромай отседова». Непонятно только, к чему его приспособить.

Ага. К назойливым поклонникам, от них не скрыться даже в женском туалете: того и гляди выползут из биде с букетом роз и слюнявыми признаниями в любви. «Ты красива, как бог», – станут причитать они, в то время как Елизавета, оправившись от шока, примется охаживать их вантузом. А уничижительное «хромай отседова» как раз и дополнит картину.

Ха-ха-ха, сказала бы Пирог.

Хи-хи-хи, не сдержалась бы Шалимар, посмотри на свою жопу, Лайза! Посмотри и кончай фантазировать.

Все верно, но... Не с потолка же взялось это самое «ты красива, как бог»! Елизавета уж точно его не придумала, с ее вяло функционирующей системой зеркал это невозможно. Более того, «ты красива, как бог» относится именно к ней и больше ни к кому. Что обычно нашептывают мужчины своим возлюбленным? Пупсик, масик, котик, солнышко, *зая моя* (есть и более эксклюзивные образчики, но все они редко выходят за страницы Красной книги и гербариев). А «ты красива, как бог» никогда не будет засушено, залито клеем и прошито суровыми нитками. Оно никогда не будет переложено кусками пергаментной или папиросной (высший шик!) бумаги. Напротив, от него веет утренней луговой свежестью. Оно, собственно, и есть луг. Или – лес. Или – морская отмель. Или – любой другой не загаженный праздными толпами ландшафт. Рукотворный, если присмотреться.

Так и есть, «ты красива, как бог» создал один-единственный Елизаветин родственник, Карлуша. Карл Эдуардович Гейнзе. Ее отец. Хотя по возрасту Карлуша годился Елизавете в

деды. Слишком поздняя женитьба, такое тоже случается. К тому же человек, которого выбрал Карлуша, оказался недостойным и непорядочным, а попросту – дрянью, что случается еще чаще. Человек бросил их с Карлушей, едва Елизавете исполнился год, значит, и говорить о нем нечего. Карлуша – совсем другое дело, о Карлуше можно написать роман. Цикл романов, а самый первый будет посвящен тому, как крошечный Карлуша – вместе с другими, но такими же несчастными соотечественниками – прятался в Кельнском соборе от бомбардировок союзников. Историю о том, как немецкий мальчик после войны оказался в России и сумел, несмотря ни на что, здесь выжить, Елизавета слышала в пяти интерпретациях:

– *романтической* (малолетний потешный немец влюбился в русскую регулировщицу в чине сержанта и отправился за ней в русскую же оккупационную зону);

– *прозаической* (малолетний потешный немец спасался от голода и прибил к хозчасти одного из полков и вместе с ним перекочевал в ЭсЭсЭсЭр);

– *леденящей душу* (малолетний потешный немец попал в лапы ужасного НКВД, был признан пособником нацистов и отправлен в Сибирь, а уже потом своим ходом добрался до относительно похожего на Европу Питера).

Интерпретаций *мало похожих на правду* было целых две: по одной из них малолетний потешный немец приглянулся маршалу Рокоссовскому, по другой – певице Лидии Руслановой. Это не объясняет послевоенных Карлушиных мытарств и безденежья, но объясняет наличие у Карла Эдуардовича шикарного, с перламутровыми вставками, аккордеона «WELTMEISTER» и патологическую любовь к безнадежно русской и безнадежно народной песне «Валенки».

Да-да, Карлуша играл на аккордеоне! И не только «Валенки», как можно было бы предположить, но еще как минимум пару тысяч композиций, включая «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, «Половецкие пляски» Бородина, неаполитанские песни, песни восточных славян и, конечно же, «Полет шмеля». Под аккомпанемент «Полета...» (в котором Карлуша раскрывался как непревзойденный аккордеонист-виртуоз) прошло все Елизаветино детство и часть отрочества. Заслышав первые, хорошо знакомые такты, младенец Елизавета прекращала плакать и пускала слюни восторга; ребенок Елизавета прекращала плакать и больше не требовала живую зебру; школьница Елизавета прекращала плакать и добровольно отказывалась от обещанной еще летом турецкой дубленки.

На дубленку, а уж тем более на зебру у Карлуши вечно не хватало бабла. Притом что, постоянно играя на свадьбах, юбилеях и прочих торжествах (включая похороны), зарабатывал он неплохо. Но деньги в их доме не держались. Они тратились на псевдоантиквариат, глупейшее коллекционирование марок и монет, лотерейные билеты, переписку с немецкими судебными инстанциями на предмет предоставления безвозвратно утерянного **deutschen** гражданства и, конечно, на выпивку.

Да-да, Карлуша был алкоголиком! Тишайшим и нежнейшим, но все же алкоголиком! Нажравшись, Карлуша не устраивал дебошей, не поднимал руку на дочь и не выносил из дома последнее. Напротив, он вел себя пристойно, припоминал все новые умопомрачительные подробности кельнского периода жизни (иногда не на шутку пугавшие Елизавету) и даже пытался объяснить все свои нелепые с точки зрения нормального человека поступки. В трезвом виде до подобных объяснений Карлуша не снисходил.

«Все, что я делаю, я делаю для тебя, моя пупхен, мой блюмхен!¹ – заплетающимся языком провозглашал он. – Я не из тех преступных отцов, что после смерти оставляют свое чадо без гроша за душой. И мне вовсе не улыбается, чтобы обиженная дочь плевала на мою могилу. Хочу, чтобы моя могила всегда была в цветах, а для этого нужно постараться еще при жизни».

Разговоры про смерть вообще и про могилу в частности страшно тяготили Елизавету – но только до тех пор, пока она не поняла, что для Карлуши это всего лишь фигура речи,

¹ Моя куколка, мой цветочек! (иск. нем.)

не более. Карлуша не собирался умирать, он собирался жить вечно и при благоприятном раскладе понянчить не только своих внуков, но и правнуков. Это называлось «увидеть на нашем старинном и могучем генеалогическом древе новые молодые листочки».

– Очень бы хотелось взглянуть на другие ветви этого древа, – замечала Елизавета. – Осмотреть его, так сказать, целиком.

– Придет время – и взглянешь, мой блюмхен.

– А оно еще не пришло?

– Нет.

«Нет» заключало какую-то (возможно – чудовищную) тайну и получалось у Карлуши неподражаемо. Он закатывал глаза, прищмокивал губами, левую руку прижимал к сердцу, а правой судорожно описывал в воздухе ромбы и окружности. Подобный комплекс телодвижений Карлуша осуществлял неоднократно, и всякий раз у не в меру впечатлительной Елизаветы бежали мурашки по коже.

– Скажи честно, – понижала она голос до трагического шепота, – среди наших родственников был... м-м... Гитлер?

– Господь с тобой, блюмхен, – таким же трагическим шепотом отзывался Карлуша. – Только Гитлера нам и не хватало!

– Кто-нибудь из нацистской верхушки?

– Ты имеешь в виду самую верхушку?

– Не ниже Бормана.

– Не ниже Бормана – никого.

– Может, мы состоим в родстве с представителями большого бизнеса? – пробовала зайти с другой стороны Елизавета. – Круппы, и все такое...

– Не пытай меня.

– Высший свет? Королевские особы?

– Ни слова больше, блюмхен! Я нем как рыба.

– ...речь идет о ком-то из «Аннанербе»? Кто предпринял экспедицию на Тибет, нашел Шамбалу и ему открылось Тайное Знание?..

Больше всего Елизавету устраивал вариант с Тайным Знанием, включающим в себя – кроме всего прочего – способности к телепортации, левитации, бесконечной реинкарнации и свободное владение языком животных. Пуленепробиваемый носитель Тайного Знания мог до поры до времени и не подозревать, что он – носитель, но... Рано или поздно явится некто, кто откроет носителю его избранность, – и тогда жизнь чудесным образом изменится. Как именно изменится жизнь, Елизавета представляла слабо. Примерно так же, как в маловразумительных эпосах с летающими китайцами. Или в ретробоевиках про монахов Шаолиня. Вкратце помечтав о недостижимой – раскосой и поджарой – избранности, Елизавета переходила к другим мечтам – о родственниках Круппах, родственниках-аристократах и родственниках – членах королевских семей. Совсем неплохо оказаться наследницей гигантского состояния, поиметь личного шофера, личного чистильщика аквариумов и личное бриллиантовое кольцо стоимостью в полмиллиона долларов! Лето можно будет проводить в Европе, осень – в Южной Африке, а зиму – на Карибах, а круглогодичное глазение из окна на мрачный российский пейзаж с помойкой забудется, как страшный сон. Непонятно только, почему столь феерическая «дольче вита» все откладывается и откладывается и почему Карлуша не торопится приобщить к ней дочь и приобщиться сам. Ведь их нынешнее существование нельзя назвать ни *дольче*, ни даже *витой*. Карлуша все-таки поганец, как ни крути!..

Впрочем, Елизавете все же посчастливилось унюхать запах «дольче вита». Это произошло месяцев за шесть до окончания школы, в депрессивном питерском декабре, когда приближение Нового года легко спутать с приближением Апокалипсиса. Настроения в доме тоже царили апокалиптические, особенно после телефонного звонка, раздавшегося около полуночи.

Ничего необычного в нем не было, Карлуше звонили и позже, и много позже, а могли позвонить и в пять утра, дабы срочно заткнуть дыру, образовавшуюся в музыкальном сопровождении чьих-либо свадеб или похорон. Но этот звонок был особенным и напрочь выбил Карлушу из колеи. Едва сняв трубку и услышав на ее противоположном конце чей-то голос, он изменился в лице. Затем заслонил мембрану рукой и почему-то метнулся в ванную, плотно прикрыв за собой дверь и пустил воду.

На обычную прелюдию к свадебно-похоронному дивертисменту **grandioso** это не походило никак.

«Началось, – тотчас подумала Елизавета. – Объявились родственники, слава те, Господи!»

Следующие десять минут она простояла у двери, пытаясь (хотя бы приблизительно) уловить нить разговора, – тщетно. Монотонный шум воды свел на нет все попытки проникновения в Карлушину тайну, но и в нем при желании можно было найти положительную сторону.

Солнечную сторону.

На солнечной стороне расположен вполне себе живописный водопад, а у его подножия – маленькое озерцо с кувшинками, водяными лилиями и цветущими лотосами. Но и это еще не вся красота, *не главная* красота! Главная красота заключена в дереве, что растет у самой воды: том самом генеалогическом древе рассеянного по свету семейства Гейнзе. До сих пор оно было скрыто от внутреннего взора Елизаветы, но теперь вдруг предстало во всей своей мощи: необъятный ствол, крепкие нижние ветви и подпирающие облака верхние. Дерево цвело и плодоносило одновременно – и этот ботанический нонсенс не вызывал у Елизаветы никакого протеста. Как не вызывали протеста гроздь бриллиантов, парикмахеров и чистильщиков аквариумов, свисающие с ветвей. Как не вызывали протеста прогулочные яхты, личные самолеты, не менее личные вертолеты и дорогие автомобили – они курсировали по стволу, не сталкиваясь и не мешая друг другу.

«Не исключено, что замок Дракулы, форт Байярд и часть португальской Коимбры тоже принадлежат нам», – решила про себя Елизавета и тут же получила ощутимый удар по лбу – это Карлуша настезь распахнул дверь их королевской (3 на 1,5 метра) ванной комнаты.

– Подслушивала? – вяло поинтересовался он у дочери.

– Пыталась. Но все равно ни черта не услышала. Кто звонил-то?

– Никто.

– Никто?

– Не важно кто, – нехотя уточнил Карлуша. – Я еще не рассказывал тебе, что в детстве был членом гитлерюгенда?

Ну вот, приплыли. Еще и гитлерюгенд!..

– Нет, про гитлерюгенд ты и словом не обмолвился. Гитлерюгенд – это впечатляет. А что, звонили из организационного комитета? Приглашают на встречу ветеранов движения, проходящую подпольно, в третьей стране? В Аргентине, да?..

– Неужели ты не понимаешь, блумхен, что над такими вещами шутить нельзя?..

Выцветшие от долгой жизни глаза Карлуши подернулись слезами раскаяния, и это должно было означать: он сожалеет. О преступлениях против человечности, к которым, в силу национальной принадлежности, был опосредованно причастен. О своих роковых заблуждениях и ложно понятых ценностях. Маленький потешный немец – один из миллионов маленьких потешных немцев: из них готовили приправленное расовой теорией пушечное мясо, а они, бедняжки, и знать ничего не знали, ведать не ведали. За старческими слезами Карлуши стояла трагедия целого народа, она никого не могла оставить равнодушным.

Никого, кроме Елизаветы, уж она-то хорошо изучила своего разлюбезного папульку, своего фатера. Все это – театральщина, цыганочка с выходом, Шекспир в провинциальном исполнении. Ясно как божий день: Карлуша придумал историю про гитлерюгенд только что. Но

зачем? Наверняка чтобы отвлечь внимание дочери от телефонного звонка. А он интересовал Елизавету все больше.

– Кто же все-таки звонил?

– Ну ладно... Я скажу. Звонил один человек. Он еще хуже нациста. Хуже немецкой овчарки.

– Он тебе угрожает? – переполошилась Елизавета.

– Не то чтобы... Он не угрожает, нет... Скажи, любишь ли ты меня, мой блюмхен?

– Ну что за глупости! Конечно, люблю.

– Нам ведь совсем неплохо вдвоем, правда?

– Нам просто великолепно!

– Несмотря на то что я иногда бываю не очень хорошим отцом?

– Чушь! Ты замечательный отец! Все девчонки мне завидуют.

– Девчонки?

– Ну да. Из класса. Мои подруги.

Сказанное Елизаветой было по меньшей мере художественным преувеличением: ни Пирогу, ни Шалимару и в голову бы не пришло завидовать семейной идиллии Елизаветы Гейнзе. Карлуша был старым. Старость сама по себе – не такой уж большой недостаток (хотя и недостаток). Старость в исполнении Шона Коннери или Жака Ширака – вообще подарок судьбы, а как иначе, если тебя окружают почет, слава, приличный капиталец, биографы, папарацци, кардиологи, диетологи, хирурги-пластики, а также толпы поклонников и соратников по борьбе. Старость в исполнении Карлуши была просто старостью, к тому же – не слишком удачливой. Карлушу в принципе можно было причислить к неудачникам, но в этом он не признавался даже самому себе – *«все в порядке, блюмхен, мы движемся в нужном направлении и придем к счастливому будущему, разве у тебя есть сомнения?»*.

Если сомнения и возникали, Елизавета гнала их прочь. Иначе, от полного отсутствия перспектив, только и оставалось, что сунуть голову в петлю. А делать этого Елизавета не хотела, она хотела жить вечно, в полном соответствии с традициями семейства Гейнзе. И потом – выказать хоть малейшее недовольство существующим положением вещей означало бы расстроить Карлушу, а это повлечет за собой скачок давления, бешеную тахикардию, приступ ревмокардита с одышкой и повышением температуры – ведь Карлуша все-таки не мальчик.

– ...А что, у твоих подруг проблемы с отцами?

– Не то чтобы проблемы... Просто отсутствие взаимопонимания.

– Но ведь у нас все по-другому?

– У нас – совет да любовь, полное проникновение друг в друга и сердца наши бьются в унисон.

Произнеся это, Елизавета заключила отца в объятия и крепко расцеловала в обе щеки. Карлуша ответил ей прочувствованным поцелуем в лоб, что тоже соответствовало раз и навсегда заведенному ритуалу. А после поцелуя непременно должен последовать беглый экзамен по немецкому.

– Теперь скажи, как на языке твоих предков будет звучать выражение «в унисон».

– **Einstimmig**, – бодро ответила Елизавета.

– Все верно, блюмхен. Ты меня очень радуешь.

– А ты меня. Нашу любимую, да?

– Конечно.

– А потом ты расскажешь мне про этот ужасный гитлерюгенд.

– Возможно... Возможно, что и расскажу.

– И про человека, который звонил тебе.

– Не знаю...

В последовавшем затем «Полете шмеля» Карлуша два раза сбился с такта – это было непостижимо, невероятно и только укрепило Елизавету в мысли: им с отцом угрожает какая-то опасность. Ощущение совсем новое и жутко неприятное, ничего общего не имеющее с ее обычными, всегда расслабленными и благостными ощущениями и мечтами. Как вести себя перед лицом надвигающейся беды, Елизавета не знала, но на всякий случай усилила рацион питания, включив в него большое количество зелени, мясных полуфабрикатов и рыбных блюд. Елизавета стала еще более ласковой с Карлушей и терпеливо, до самого конца выслушивала его пьяные ночные бредни (раньше она тихо линияла в свою комнату, едва лишь они начинались). Лейтмотив нынешних бредней сводился к одному: Карлуша не позволит отнять *его блюмхен*, кто бы на него ни покушался!

– А кто-то покушается? – каждый раз интересовалась Елизавета.

– Есть такие люди. Омерзительные, гнусные. Люди без сердца, без чести и совести. Но нас ведь никто не разлучит, правда?

– Конечно, правда. Идем спать.

Спать Карлуша не соглашался, снова и снова прикивая к аккордеону: мелодии, выпархивающие из-под его рук, носили все больше минорный характер, а когда он перешел на Шопена, Елизавета не выдержала.

– Кого хороним? – спросила она.

– Счастливую безмятежную жизнь, какой она была до сих пор.

– С чего бы это?

– Завтра! – Карлуша поднял дрожащий указательный палец. – Завтра мы с тобой посетим одно заведение. Один ресторан.

– Зачем нам ресторан? Только деньги палить. Если хочешь, я приготовлю что-нибудь вкусненькое, и мы прекрасно посидим дома.

– Ты не понимаешь... Не понимаешь... – Карлуша схватился за голову. – Мы пойдем в этот чертов ресторан. И, надеюсь, вернемся домой вместе. И больше ни о чем меня не спрашивай. Завтра все узнаешь.

В разные периоды жизни Карлуша (помимо того, что был просто отцом) обязательно кого-то напоминал Елизавете. В детстве она находила в нем немалое сходство с Крокодилем Генной, затем наступил период Дарта Вейдера из «Звездных войн» (разумеется, без шлема) и, наконец, – спившегося Жан-Поля Бельмондо.

С таким вот далеким от совершенства Жан-Подем Елизавета и отправилась в чертов ресторан.

Ресторан находился в глубине фешенебельного Крестовского острова, вдали от метро, но это не имело никакого значения: в *такие* места на метро не приезжают. В такие места прибывают на машинах представительского класса, по ходу обдавая надменными брызгами из луж собачников, спортсменов и влюбленные парочки.

От одной из машин («Мерседес» с номерными знаками городского правительства) они едва увернулись. И пока Елизавета счищала с пальто ошметки грязного снега, Карлуша – и без того пребывающий на взводе – разразился гневно-ироническим спичем по поводу «дикой страны, диких славян и тотальной византийщины, и вообще – ничего хорошего здесь не произойдет еще лет триста, помяни мое слово!».

– А потом, через триста лет, все станет шоколадно? – спросила Елизавета.

– Скорее – да, чем нет, – неуверенно ответил Карлуша.

– Тогда можно и подождать.

– Ждать мы не будем. Уедем отсюда – и все тут.

– Лет через двести с места тронемся?

– Если получится – то и раньше.

Полтора километра, остававшиеся до ресторана, они прошли в полном молчании: не привыкший к такого рода марш-броскам Карлуша сопел и едва волочил ноги. А Елизавета размышляла о том, почему они, невзирая на стопроцентно выигранные анкетные данные и титанические усилия отца, так и не смогли уехать на историческую родину. Ведь за почти двадцать лет абсолютной свободы передвижения туда не переселился лишь ленивый. В объединенной Deutschen Republik осели не только этнические немцы из Казахстана и Поволжья (что было вполне логично); не только евреи из всех остальных закоулков, придатков и аппендиксов бывшего Союза (что в какой-то мере восстанавливало историческую справедливость), но и прочие, далекие от европейского жизненного уклада люди. Прав на Германию у них было гораздо меньше, чем у семьи Гейнзе, а вот поди ж ты... Близок локоток, да не укусишь. Видит око, да зуб неймёт. Объяснение сему прискорбному факту плавало на поверхности, подобно куску дерьма. И так же, как дерьмо, выглядело совершенно однозначно: *не с вашим счастьем, блонхены и пухлены, не с вашим счастьем!*..

Не с нашим, мысленно согласилась Елизавета, но, может, сегодня повезет?

Не повезет.

Это стало очевидным, как только они переступили порог ресторана. Вернее, не ресторана – дворца, ничуть не уступающего дворцам португальской Коимбры, которые Елизавета видела на фото в журналах и туристических справочниках. Оставался открытым вопрос – каким образом в одно время и в одном месте сошлись американская актриса Гвинет Пэлтроу, американский же актер Джордж Клуни и устрашающе русский боксер-тяжеловес Николай Валуев.

Николай Валуев ужинал.

А Пэлтроу и Клуни вблизи оказались не такими уж знаменитостями – просто людьми, похожими на знаменитостей. На бейдже подошедшей к Карлуше и Елизавете лже-Гвинет вообще значилось имя МАРИНА.

«МАРИНА» профессионально окинула взглядом отца и дочь. Старика и толстую девочку. Пальто, вышедшее из моды лет тридцать назад, и пальто, так в моду и не вошедшее. Две пары ботинок, купленных на вещевом рынке у метро «Удельная». Две пары затравленных глаз. Мгновенно оценив все это, администраторша скорчила презрительную гримасу, которую лишь толстокожий, лишенный всяких эмоций человек (со зрением минус 8 и врожденным астигматизмом) мог принять за улыбку. А Елизавета, несмотря на пухлость, не была толстокожей. Елизавета была трепетным существом и к тому же никогда не жаловалась на близорукость. И потому она легко разглядела затаившийся в складках администраторских губ немой вопрос: «Ну и чего вы сюда приперлис-сссь, лошары? Со свиным-то рылом в калашный ряд, гос-сссподи прос-сссти!»

Вопрос этот напоминал скунса. До того дурнопахнущего, что выпустить его наружу хорошо воспитанная «МАРИНА» не решилась. Она просто заменила скунса более кротким и менее вонючим голубем:

– Сожалею, но свободных мест нет.

– Как это – нет? – удивился наивный Карлуша. – Их же полно!

Мест и вправду было полно – за исключением Валуева в зале находились еще человек семь, не больше, но «МАРИНА» продолжала стоять на своем:

– Эти места зарезервированы.

– Все?

– Абсолютно.

Унижаться дальше Елизавете не хотелось, и она дернула отца за рукав:

– Пойдем отсюда. Черт с ним, с рестораном.

– Нет уж. – Карлуша сдвинул брови и засопел. – Я хочу разобраться... Почему мне хамят.

– Никто вам не хамят, уважаемый. – В голосе «МАРИНЫ» неожиданно зазвучали миротворческие нотки. – Я просто прояснила ситуацию...

– Я сам вам ее проясню. Так проясню, что у вас в глазах потемнеет, э-э... уважаемая... Кто у вас здесь главный?..

Вряд ли главным здесь был Клуни (безликий и скромный значок «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ» на лацкане этого никак не предполагал), – но именно он через секунду оказался рядом с Карлушей, буквально материализовавшись из воздуха.

– Проблемы? – поинтересовался Клуни.

– Пока нет, – заверил охранника Карлуша. – Но могут возникнуть с минуты на минуту.

– Мне вмешаться?

– Не стоит. – «МАРИНА» меняла тактику на ходу. – Мы сами во всем разберемся.

– Я буду поблизости.

Последующие переговоры Карлуши и администратора принесли неожиданные плоды. Гримаса брезгливости на ее лице уступила место замешательству, затем – откровенному недоумению, после чего с губ «МАРИНЫ» стали слетать не голуби даже (голубь – птица далеко не идеальная, она гадит и постоянно мучается от засилья блох), не голуби, нет – бабочки.

Легкокрылые, ослепительные бабочки семейства *Danaus Genutia*. Чудо, а не создания!

– Простите, это всего лишь недоразумение... Никакого умысла, тем более дурного... Я была предупреждена, но... Пройдемте, прошу вас...

Скороговоркой произнеся это, «МАРИНА» устремила в глубину зала. Карлуша подмигнул дочери и двинулся за администраторшей, оставляя на идеальном полу заведения грязные следы. Мгновение назад эти следы служили отягчающим вину обстоятельством в деле о «свинных рылах», но теперь на них можно было наплевать. Приговор не просто смягчен – он отменяется в связи с отсутствием состава преступления! Определенно в Карлуше скрыта какая-то загадка! Карлуша, как никто, умеет располагать к себе не только самых разных людей, но и цепных псов при исполнении, к которым относится администратор ресторана. Жаль, что родная дочь Карлуши Елизавета напрочь лишена этого ценного качества: обладание им положительно сказалось бы на ее самооценке.

Впрочем, самооценка младшей Гейнзе и без того начала повышаться. И достигла своего пика, когда они с Карлушей оказались в некоем подобии комнаты, отделенной от остального зала высокими перегородками. За окном шумел голыми ветками невидимый сад и ярко горели гирлянды разноцветных фонариков, а здесь, внутри, было тихо. И царил уютный полумрак. Он стал еще уютнее, когда администратор, ловко щелкнув зажигалкой, зажгла две толстых витых свечи на столе.

– Хотите что-нибудь выпить? Может быть, аперитив? – спросила она.

– Ты как?

– Я бы не отказалась, – произнесла Елизавета, раздуваясь от чувства собственной значимости.

– Тогда два кофе и сок, – подытожил Карлуша.

Кивнув головой, «МАРИНА» тотчас слиняла, а Елизавета углубилась в меню:

– Ресторан французской кухни, надо же! Давай закажем устриц, Карлуша. Никогда не ела устриц.

– Ну и ничего не потеряла. – К Карлуше вернулось дурное расположение духа. – Сопли и есть сопли, чего их жевать-то?

– Можно подумать, ты их пробовал.

– Пробовал, конечно. Еще в Германии. В Германии устриц завались.

Если верить Карлуше – на свете нет ничего, что не имело бы постоянную прописку в Германии. Что не было бы родом из Германии. Что не было бы успешно интегрировано в Германию. В Германии, как в Ноевом ковчеге, каждой твари – по паре. В лонг-листе из тысячи чудес света Германия заявлена по девятистам восьмидесяти восьми позициям. В шорт-листе из семи Германии достались целых пять. В ней не смогли акклиматизироваться лишь импе-

раторские пингвины (что плохо) и международные террористы (что хорошо). Прилетающие на Землю НЛО висают над живописными окрестностями Дессау и никакого другого места не признают; а Леонардо да Винчи и Иисус – по данным, имеющимся у Карлуши, – вообще были уроженцами Кобленца. В Германии родились все самые светлые умы человечества; там же изобрели бумагу, порох, майонез и горчицу, телескоп и микроскоп, рахат-лукум, вареники с вишней, штопор, бутылочные открывалки, ускоритель протонов, микроволновку, джинсы, дороговой бандаж и бигуди, а также классическую оперу и джаз. Даже наличие в немецкой истории Гитлера способно лишь на непродолжительное время испортить настроение Карлуше: Гитлер был пришлым, был австрияком, а Австрия – это вам не Германия. Австрия – странишка так себе, ничего выдающегося. А Германия... О, Германия! Vorwärts², Германия! Германия есть не что иное, как локомотив прогресса, цитадель разумного мироустройства, оплот демократии, обитель муз. Германия – это рай на земле. Так думает Карлуша. Ну и Елизавета (с небольшими оговорками) – тоже. Ведь она дочь своего отца.

– ...Возьмем тогда луковый суп?

– Мы сюда не есть пришли, блюмхен!

Все верно, поесть они могли в любой забегаловке. Или дома. Здесь же им назначена встреча, и эта встреча совсем не с устрицами и уж тем более – не с луковым супом. А... С кем? Или все-таки – с чем? Неодушевленное местоимение больше соответствует правде момента. И напряженному лицу Карлуши. Такие лица бывают у людей, случайно оказавшихся в эпицентре стихийного бедствия. Изменить ничего нельзя, скрыться от напасти не представляется возможным. Остается лишь зажмурить глаза и молиться всем известным богам, чтобы разгул стихии обошел тебя стороной. Будет ли это наводнение? Будет ли это тайфун, смерч, землетрясение, цунами?... Елизавета склоняется к цунами: и с эстетической точки зрения, и с самой что ни на есть практической: гигантской волне предшествует такой же глобальный отлив – целые километры свободного от воды пространства. И сколько же ценностей можно найти на этом пространстве за недолгое время отлива!.. Конечно, имеются в виду не дары природы, все эти вшивые медузы, крабы, рыбная мелюзга, моллюски, приоткрывшие от удивления свои известковые рты. Имеются в виду вещи рукотворные, недостижимые при других обстоятельствах и непостижимые. А именно – золотые цепочки и серьги (среди серег нет ни одной парной, но таковы люди: чтобы потерять сразу две серьги, им не хватает ни непосредственности, ни широты души); бриллиантовые диадемы, браслеты с драгоценными камнями (лучше сказать – «с камнями»), от этой незначительной филологической поправки вес каждого из камней увеличивается сразу на несколько карат); монеты, если повезет – старинные: дублоны, соверены и экю; хорошо сохранившиеся фигурки людей и животных, опять же – из драгметаллов; предметы религиозного культа, волшебное оружие...

Так и есть. Это цунами.

Карлуша реагирует на цунами как человек и одновременно как рыба, лишенная привычной среды обитания. Он – совсем по-рыбьи – выпучивает глаза и хватается ртом воздух. Остальное (подбородок затрясся, щеки побагровели, а кончик носа, наоборот, побелел) можно отнести к человеческой реакции. Карлуше не помочь, единственное, что остается, – сосредоточиться на созерцании цунами.

Золотая цепочка, серьги, браслеты – все при нем. Все чудесные вещицы, о которых мечтала Елизавета и о которых она даже не смела мечтать, нет только диадемы. Оно и понятно – надевать диадему в ресторан, пусть и дорогой, – верх глупости. А Женщина-Цунами, во всей своей нешуточной, смутно знакомой красе представшая перед отцом и дочерью Гейнзе, никакая не дурочка.

² Вперед (нем.).

Она – самое прекрасное существо на свете, хотя и немного рекламная, журнальная. Она молода, но это опять же – журнальная молодость. Молодость, какой она видится рекламщикам, главам пиар-департаментов и издателям толстых калькированных версий «Vogue» и «Vanity Fair», отпечатанных в финских, бельгийских и немецких (в первую очередь – немецких!) типографиях. Ни единого изъяна или лишнего волоска, ни единой оспинки, ни единой родинки – все, что могло бы бросить тень на неземную красоту, загодя уничтожено ядерным зарядом из фотошопа.

Превентивный удар.

Духи существа тоже проходят по ведомству превентивных ударов. Ненавязчивые, слегка горьковатые, изысканные, влекущие – ни одно из определений не будет преувеличенным.

– Ну, здравствуй, – сказала Женщина-Цунами, присев на краешек дивана напротив Карлуши и грациозно закинув ногу на ногу.

Накат получился тот еще. Высота волны – не меньше пятидесяти метров.

– Здр... Здравствуй, – пробульткал идущий ко дну Карлуша.

– Я тебя сразу узнала, хоть ты и стал совсем старый.

– Ты забыла. Я уже был старым, когда мы познакомились.

– Ну да, ну да.

На фоне Женщины-Цунами Карлуша выглядит не просто стариком – старой развалиной, ничемным паралитиком, обузой для динамично развивающегося, здорового во всех отношениях общества. Он не в состоянии прорекламировать ни один товар, ни одну услугу. Он – худший из всех возможных Бельмондо. Он – худший, а ее сапоги – лучшие.

Плотно облегающие голень сапоги Женщины-Цунами – вот кому не стыдно доверить главную роль в любом из фильмов, претендующих на каннские пальмовые ветви, венецианских львов и берлинских медведей (о фестивалях рангом пониже и говорить нечего!). Эти волшебные сапоги играючи поднимут сюжет на недостижимую высоту. Они и сами – сюжет. До того увлекательный и волнующий, что Елизавета чувствует настоятельную потребность запечатлеть его. Зафиксировать в душе. И здесь нельзя проявить беспечность и просто понадеяться на память. Здесь важны каждая мелочь, каждый подъем, каждый изгиб. Они должны быть и будут перенесены... на бумагу.

Ага.

Ручка в Елизаветиной сумке из кожзама всегда найдется. А отсутствие бумаги легко компенсировать салфетками с фирменным логотипом ресторана.

Собственно, с этого момента и началась страсть Елизаветы к тщательной и не всегда уместной прорисовке сапог. Но тот, первый, открывающий бесконечную галерею образов набросок не сохранился. Он и не мог сохраниться. Он был изорван в клочья в самом конце ресторанного вечера, когда перед Елизаветой раскрылась (а точнее – разверзлась) огнедышащая пасть истины.

– Как ты живешь? – спросила Женщина-Цунами низким, хорошо поставленным голосом. Такие голоса заставляют мужчин съеживаться до размеров сперматозоида.

Но на Карлушу это правило не распространялось. Он никуда не делся, он продолжал сидеть, травмируя взоры окружающих своей старческой, подернутой тленом немощью. Впервые в жизни Елизавете стало стыдно за отца.

– Хорошо. Я живу хорошо. Просто превосходно.

– Я вижу. Да. Ты так и не уехал в свою Германию?

– Почему же, – промямлил Карлуша, и Елизавете и вовсе свело скулы от стыда. – У нас большая квартира в моем обожаемом Кельне... На Транкгассе... Совсем неподалеку от отеля «Эксельсиор»...

– Того самого, где любил останавливаться актер Питер Устинов?

– Да-да... Того самого.

– А окна квартиры, надо полагать, выходят на Собор?

– Часть... Часть окон.

– Значит, «Эксельсиор»... Я не совсем уверена, что Устинов останавливался в «Эксельсиоре»... Быть может, это был «Хилтон»? Или «Дом-отель», а?

– Это все же «Эксельсиор»... – Голова Карлуши мелко затряслась. – Я знаю точно.

– Бог с ними... И с Устиновым, и с «Эксельсиором»... Мы ведь встретились не для того, чтобы выяснить, кто где останавливался... Хотя я лично предпочитаю кельнский «Хилтон»... Почему ты не взял с собой девочку? Ты ведь обещал мне...

– Не взял? – от неожиданности Карлуша, и без того говоривший несвойственным ему фальцетом, пустил петуха. – Как же не взял... Я взял.

– И где же она?

Какую еще девочку имеет в виду Женщина-Цунами? Елизавета уже года два как перекечевала в разряд молодых девушек. А совсем недавно (и это позорная, раздражающая желудок и слизистые тайна) ее назвали... ее назвали...

– Вот! – выброшенная вперед рука Карлуши указала на дочь.

Все последующие дни, месяцы и годы Елизавета думала о том, что произошло бы, если в тот вечер на ее месте оказалась грациозная Пирог. Или пожирательница сердец Шалимар. Или сама она предстала бы перед Женщиной-Цунами в более выгодном свете. В более удачном ракурсе, в дорогой косметике, в приличных тряпках. В ореоле чемпионства по фигурному катанию. В позе бхайджангасана, популярной среди индийских йогов. Тогда рука Карлуши легко трансформировалась бы в перст счастливо изменившейся судьбы. Но... судьба потому и зовется судьбой, что перекроить ее кавалерийским наскоком не в силах никто. Все повороты оговорены заранее. Все маршруты сверены, все пиктограммы (вплоть до пиктограммы биотуалета) нанесены на карту. Все предрешиено.

– Это она?

На долю секунды лицо Женщины-Цунами приобрело вид брошенной в стирку простыни: та же бесформенность, те же мятые складки. Но не успела Елизавета подивиться столь неожиданным и неоправданным переменам, как к женщине снова вернулась ее журнальная красота. Лишь уголки губ продолжали оставаться опущенными. И глаза... В глазах явственно читались обида и жестокое разочарование. И даже некоторая брезгливость. «Некоторая», ха-ха! Брезгливости как раз было намного больше, чем всего остального. Целое ведро брезгливости, ушат, таз для варки варенья!..

– Она?! – Голос красотки прозвучал умоляюще. – Это и есть Елизавета?

– Это и есть, – подтвердил Карлуша.

– Но ты же говорил – «она красива, как бог».

– А разве нет? Разве я не прав?..

Более глупого обмена репликами и представить себе невозможно, но Елизавета и не думала вдаваться в их смысл. Елизавета благополучно перекечевала в таз для варки, но сладчайшим, благословенным вареньем – из крыжовника или вишневым – так и не стала. Варенье – кто-то другой. Тот, кто *красив, как бог*. А печальный удел Елизаветы – до конца дней своих оставаться *толстой жабой*. Именно так называли ее совсем недавно, в набитом под завязку вагоне метро. В развернутом комментарии это выглядело как «Смотри, куда прешь, жаба толстая! Все ноги отдавила! Тебе грузовик надо заказывать, жабьё!». Елизавета так расстроилась, что выскочила на следующей остановке, толком не разглядев своего обидчика. Голос его шел откуда-то сверху, и не исключено, что принадлежал богу. Не имевшему проблем ни с красотой, ни с востребованностью, ни с обменом вещами. А Елизавета имела все вышеназванные проблемы плюс производные от них: замкнутость, неуверенность в себе, излишняя пугливость и слезливость, а также косноязычие и пристрастие к балахонистым вещам черного цвета.

Вопрос *носят ли жабы черное* остается открытым.

Толстая жаба – в этих словах заключается теперь позорная Елизаветина тайна. *Толстая жаба* – наверное, так же думает о ней Женщина-Цунами. Она и пришла сюда, чтобы сделать тайное явным, показать всему миру (и прежде всего – Елизаветинному дорогому Карлуше) истинное лицо жабы. Ее физиономию. Мордуленцию. Рожу хоть прикуривай. И еще – «МАРИНА», чертова администраторша с лицом Гвинет Пэлтроу и фигурой, которую хочется отнять и тут же напялить на себя, предварительно избавившись от своей, *жабьей*. «МАРИНА», как на грех, явилась с подносом в самый разгар идентификации «девочки» и стала выставлять на стол кофе и сок.

– Принеси мне минералки, – скомандовала администраторше Женщина-Цунами.

– Как обычно?

– Да.

Она здесь завсегдатай, эта рекламная дива. Ну если и не завсегдатай, то имеет на здешних гарсонов немалое влияние. Об этом свидетельствует раболепно изогнувшаяся спина «МАРИНЫ» и то придыхание, которым сопровождается каждое ее слово: «Да-да, лучезарная! что прикажете, повелительница? целую руки, целую ноги и падаю ниц».

– ...Ты прав, – наконец выдавила из себя женщина. Сосредоточившись на Карлуше и явно игнорируя Елизавету. – Она... милая.

– И это все, что ты можешь сказать? В вашу первую встречу после стольких лет?! Ты ведь сама хотела увидеться. Ты настаивала. Я предлагал не ворошить прошлое, раз уж так сложилась жизнь. Не тревожить нас понапрасну.

– Думаю, я поступила опрометчиво. – Красотка улыбнулась, демонстрируя нереальной белизны зубы – такие же фальшивые, как и сама улыбка.

– Так ты оставишь нашу семью в покое?

– Конечно.

– И твоя помощь нам не нужна. Опекать тоже.

– Если у вас материальные затруднения... Я могла бы...

– Никаких затруднений. Я хорошо зарабатываю, да и Елизавета мне помогает. Она прекрасная аккордеонистка, как и я. Мы концертируем по всей Германии и имеем заслуженный успех.

– Разве она не учится?

– Все это не в ущерб учебе. Мы концертируем в летнее время, когда у нее каникулы. Я не посмел бы отрывать ее от школы, тем более что она – круглая отличница! Надежда класса. Победительница олимпиад.

– В Германии?

– Это здешние олимпиады. Мы живем на две страны, но базовое образование Елизавета получает в России. Собирается поступать в консерваторию. Правда, блюмхен?..

Какая еще консерватория? Какие еще олимпиады и отличные оценки? – Карлуша бредит наяву! Елизавета – вялотекущая среднестатистическая троечница. Гуманитарные предметы даются ей так же плохо, как и точные, а физкультура (в силу... э-э... особенностей Елизаветиной конституции) не дается вовсе. Кроме того, Елизавета – по мнению школьного психолога – «лишена самостоятельности и нетривиальности в мышлении». И то правда – самостоятельность и нетривиальность были проявлены ею лишь однажды, в четвертом классе, при написании сочинения «Улица, по которой я хожу в школу» (7 орфографических ошибок, 3 синтаксических и 10 пунктуационных). Но суть заключалась не в ошибках – таких же среднестатистических, как и сама Елизавета. Суть заключалась в лирическом герое сочинения. Похожий на ангела *некто* каждый день поджидал Елизавету на выходе из родной подворотни. И провожал до самой школы коротким путем, через другие неродные подворотни. А иногда крепко брал ее за руку, и они взмывали над крышами, и подлетали к зданию школы с подветренной стороны. С *некто* «ни возможно соскучится», утверждала в сочинении Елизавета,

он добрый, сильный и знает все на свете, **«особенно про животных»**. Он **«прикольный, как Мэрлин Мейсон»**, и Елизавета с нетерпением ждет утра, чтобы вновь встретиться со своим ангелоподобным другом. Сдав сочинение, четвероклассница Гейнзе и представить себе не могла, что оно вызовет настоящий переполох в учительских кругах. А ее ангела примут за маньяка-педофила и учинят ей допрос в присутствии психолога и медсестры. Последние отнесли фантазии о полетах над крышами к защитной реакции детского организма на происходящее с ним безобразие; а раз так – то крыши следует сбросить со счетов и сосредоточиться на подворотнях. На пятой минуте допроса Елизавета уже рыдала в три ручья, а на седьмой созналась, что ангел из подворотни – плод ее воображения. Ей просто очень хотелось иметь друга, но если все им недовольны и выказывают признаки озабоченности... что ж, она больше не будет, и перепишет сочинение, избавившись от нежелательного персонажа, и... И пусть ее простят. О том, что ангелов, хотя бы и вымышленных, нельзя предавать, Елизавета тогда не знала. Она не знала, что у преданного ангела начинают выпадать перья, появляются полипы в носу и фурункулы под коленками, он становится обидчивым и раздражительным, он часто простужается и почти перестает уделять тебе внимание. И, занятый исключительно собой, больше не направляет тебя, *не указывает путь*. Таким образом, Елизавета оказалась ненужной своему ангелу, который, возможно, существовал и имел насчет нее далеко идущие планы. А страсть к сочинительству пропала, так и не начавшись.

Странно, что она вспомнила эту почти забытую историю сейчас. Не потому ли, что Женщина-Цунами тоже похожа на ангела?

Не потому.

С ангелами (какими их представляет себе Елизавета) у нее нет ничего общего. Отличительной чертой ангелов является терпимость к недостаткам людей, физическим в том числе. А эта... Эта не будет терпеть ничего такого, что идет вразрез с ее коллагеново-ботексно-липосакционными представлениями о жизни вообще и красоте в частности.

– ...Блюмхен? Ты называешь ее блюмхен? – хмыкнула Женщина-Цунами.

«А ты хотела бы, чтобы мой родной папочка называл меня по-другому? *Толстой жабой?*» – мысленно огрызнулась Елизавета.

– Кто же она, как не мой цветочек? Тебе этого не понять... И мне тебя жаль... очень жаль. А когда-нибудь ты и сама горько пожалеешь. Когда поймешь, чего лишилась.

– Я уже вижу, чего лишилась.

Их феерическая визави постучала по столу кончиками пальцев и мельком взглянула на запястье с часами.

– Вот черт! Совсем забыла, что у меня важная встреча! Деловые партнеры не терпят опозданий, а я тут с вами засиделась. Была рада тебя повидать, старый добрый Гейнзе. Тебя и... э-э... Елизавету. Звони, если что-нибудь понадобится. Кстати, вы заказали ужин?

– Нет. – Карлуша попытался придать своему голосу великосветское высокомерие. – Сегодня мы ужинаем в другом месте.

– Напрасно. Здесь отличная кухня. А вообще, на твоем месте я последила бы за питанием дочери. Углеводы нужно решительно исключить из рациона. И усилить составляющую кисломолочных продуктов и злаковых культур... Ну, всего доброго...

– А вода? – угрюмо спросила Елизавета.

– Какая вода?

– Вы же заказали воду. Не выпьете ее с нами?

– В следующий раз, детка. Я и вправду спешу.

Некоторое время после ухода, вернее, позорного бегства Женщины-Цунами отец и дочь молчали. Елизавета в три глотка осушила стакан с соком и углубилась в изучение меню. Салаты (salades), закуски (hors d'oeuvres), суп из бычьих хвостов (potage à la queue de boeuf), копченая

гусиная грудка (poitrine d'oie fumée) – ни от одного блюда она бы не отказалась, еще заманчивее выглядит их комбинация. И почему только Карлуша упорствует?

– Ты так и не объяснил мне, кто эта женщина, – рассеянно произнесла Елизавета, переместившись на страницу с десертами. – И зачем ей нужно было врать про квартиру в Германии?.. И про то, что я играю на аккордеоне. И про какие-то дурацкие олимпиады.

– Не знаю, как это произошло... Сам от себя не ожидал подобной глупости. Ты уж прости, блюмхен.

– Я ведь не играю на аккордеоне. У меня нет слуха.

– Вообще-то это была твоя мать.

– ...У меня нет слуха, – еще раз повторила Елизавета.

И крепко зажала ладонями уши. Но и этого ей показалось мало. Этого было явно недостаточно. Что еще придумать, что?! Ага – сунуть кончики указательных пальцев в самую глубину ушной раковины, насколько это возможно. Пальцы уйдут ровно по первую фалангу, фаланга обособится, заживет своей жизнью – жизнью тесно сомкнутого воинского построения тяжелой пехоты. Слишком малоподвижного и неповоротливого, чтобы противостоять противнику – грациозным летучим отрядам в доспехах от Джорджио Армани.

Или от Лагерфельда.

Припомнить кого-то еще Елизавета не в состоянии; а ведь их никак не меньше полутора десятков – тех, кого называют законодателями моды. Но дело не в них, а в легконогих воинах, облаченных в дизайнерскую униформу. У каждого воина – лицо Женщины-Цунами. Венценосной стервы, покровительницы знаков, богини кисломолочных бактерий, истребителя углеводов. Лицо Елизаветиной... Елизаветиной матери – если верить Карлуше, который, как известно, никогда не врет. Почти никогда. Ведь стоит только ему дать слабину и решиться на подлог, как Елизавета моментально все поймет и выведет его на чистую воду. Но сейчас – все по-другому. И вывести Карлушу на чистую воду невозможно: он так же далек от лжи, как и от правды, он находится ровно посередине. А саму Елизавету не устраивает ни правда, ни ложь. Чью сторону ни возьми – все равно будет больно.

Очень больно. Очень.

– У меня нет слуха! Я не слышу тебя! Не слышу! Не слышу-у-у!..

Елизавета кричит в голос, как кричала бы, если б на нее напал грабитель или дикое животное. Или она обварила бы руку кипятком. Во всех трех случаях Карлуша знал бы, как поступить, чтобы защитить дочь и уменьшить ее страдания. Но случай с Женщиной-Цунами – особенный, он не имеет решения и не имеет выхода, перед ним *старый добрый Гейнзе* бессилен. Ему остается лишь трясти губами и приговаривать:

– Ну успокойся, успокойся, пожалуйста!..

Успокоиться просто необходимо, тем более что эксцентричное Елизаветино поведение уже привлекло нежелательных зрителей и к столику, за которым она сидит, несутся «МАРИНА» и охранник. Клуни и Гвинет Пэлтроу, играли ли они парочку влюбленных в каком-нибудь из фильмов?

Вроде нет, но кто их знает! Может, и играли. В мелодраме с безоговорочно счастливым концом. В ужастике, где счастливый конец определяется одним: выжил ты после кровавой бани или отбросил коньки. Психическое здоровье героев при этом в расчет не берется.

– Что случилось? – спрашивает «МАРИНА» с недовольством в голосе, ей совсем не нужны потрясения и неприятности.

– Ничего... Ничего страшного, – лепечет Карлуша. – Девочке стало плохо, но сейчас все пройдет. Нам нужно на воздух...

– Вам уже давно... нужно на воздух. – О сочувствии к парочке мутантов и речи не идет.

– Пойдем отсюда, блюмхен.

– Еще как пойдем. – Елизавета наконец-то прекращает орать. И принимается сверлить «МАРИНУ» глазами.

– Что ты так на меня смотришь? – не выдерживает администраторша.

– Вот вы... Каких модных дизайнеров вы знаете?

– Модных дизайнеров?

– Дизайнеров от моды... Лагерфельд там, Джорджио Армани...

– Угу... – «МАРИНА» явно сбита с толку. – Гуччи, Версаче, Валентино...

– Еще!

– Дольче и Габбана, Жан-Поль Готье, Кэлвин Кляйн...

– Еще!

– Джанфранко Ферре, Модный дом Прада, англичане, двое или трое, так – навскидку – не скажу...

– Спасибо, и этого достаточно. А та женщина, которая сидела с нами... Кто она?

– А ты разве не знаешь? – Брови «МАРИНЫ» ползут вверх.

– Не успела толком познакомиться.

– Это... очень известная персона. – Администраторша переходит на благоговейный шепот. Таким шепотом обычно передаются самые невероятные светские сплетни. Елизавета никогда их не генерировала и прилюдно подвергала остракизму, но сейчас не прочь выслушать «МАРИНУ» не перебивая.

Ни одно слово не будет упущено, ни одна запятая не затеряется.

– Она продюсер, весь шоу-бизнес у нее под каблуком. И телевидение тоже. Денег у нее куры не клюют. Захочет – озолотит тебя, захочет – в грязь втопчет. Она всё может. Всё! В этом году праздновала здесь свой день рождения, так кого только не было!..

– Кого?

– Разве что президента.

– Нашего или американского?

– Нашего.

– А американский?

– Этот тоже не приезжал, врать не буду.

– А все остальные?

– Все остальные были... И Элтон Джон был, и эта жопастая... Дженнифер Лопес, а уж о мелких сошках типа «Бони Эм» и иже с ними и говорить нечего.

– Жаль, мы не присутствовали, – нарочито громко вздыхает Елизавета. – Правда, Карлуша? И когда же случился этот потрясающий во всех отношениях праздник?

– Летом... Кажется, в июне.

– Двадцать второго, – произносит Карлуша, глядя перед собой невидящими глазами. – Двадцать второго июня.

* * *

... На обратном пути их настигает снег, первый в этом году.

Елизавета идет впереди, Карлуша заметно отстал.

До сегодняшнего вечера Елизавета ни за что не позволила бы ему отстать, взяла бы за руку. И они бы шли вот так – рядом. Радовались бы снегу, ловили его раскрытыми ртами и разговаривали о чем-то несущественном. Все их разговоры – несущественны, иногда они состоят из нескольких междометий. Иногда – из не слишком хорошо сочетающихся друг с другом немецких слов, чьи падежные окончания чудовищно искажены. Общей благостной картине полного взаимопонимания это не вредит.

Теперь Елизавета так же далека от благодати, как Берег Слоновой Кости от членства в Евросоюзе.

Она раздавлена и при этом злится.

Злится на себя – за то, что не сумела произвести на Женщину-Цунами должного впечатления. Злится на свои неухоженные ногти, на бездарные, неопределенного цвета волосы; на свою круглую физиономию (*«по циркулю»*, как любят подтрунивать Пирог и Шалимар); на такие же круглые глаза – вот бы всучить их какой-нибудь птице из отряда веслоногих, а взамен получить другие.

Миндалевидные, о да!

Глаза актрисы Кэтрин Зэты-Джонс и все остальное, принадлежащее ей. Лицо и части тела, да нет – все тело целиком, а старого, помешанного на пластических операциях мужа Майкла она может оставить при себе. Неплохо бы и самой стать Кэтрин, какой она была в возрасте семнадцати лет, что тогда сказала бы Женщина-Цунами? Не важно что, но она уж точно не слиняла бы под смехотворным предложением. Она бы осталась.

Надолго.

И они славно бы поговорили. Они говорили бы без перерыва час, а то и два, и три – с дальним прицелом на торжественное вселение Елизаветы в небесные чертоги мегапродюсерши. Пятнадцати минут оказалось бы достаточно, чтобы понять: Елизавета-Кэтрин не только красавица, но и умница. У нее на все есть свое собственное мнение, гнуснейшие слова-паразиты «типа» и «как бы» никогда не оскверняли ее уст; она в курсе кино- и музыкальных новинок, при этом предпочтение отдается эмбиенту и lo-fi-ланжу; она прочла всего изданного на русском Переса-Реверте и теперь подбирается к Кафке. Нет, нет: с Кафкой она покончила еще в седьмом классе, а теперь штудировать Гюнтера Грасса на языке оригинала. *Занимается ли она спортом?* – еще бы! Она просто жить не может без экстрима, скалолазание и прыжки с парашютом летом, сноуборд и горные лыжи зимой, о-о-о!

Почему все совершенно не так?!

Почему она корова, *толстая жаба*, с сомнительным знанием искаженного немецкого и с вечной проблемой поиска колготок, которые можно без особых энергетических затрат натянуть на бедра? Почему, почему?!

И почему она до сих пор с ослиным упрямством и малопонятной отстраненностью называет Женщиной-Цунами ту, кто на самом деле является ее матерью? Это по меньшей мере смешно.

Но Елизавете вовсе не хочется смеяться, ее сердце разбито. Еще бы, родная мать (богиня, о которой можно только мечтать) отказалась от нее: много лет назад в первый раз, а сегодня – во второй. Всё яснее ясного, Елизавета просто не понравилась ей, вызвала откровенную неприязнь своим затрапезным толстомясым видом. Ведь наверняка рекламная красотка надеялась совсем на другое, к тому же старый негодяй Карлуша, гореть ему в аду, обнадежил: «твоя дочь красива, как бог».

Красива, как же! – отстой, полный отстой!!!

С таким отстоем стыдно показаться на людях, его не возьмешь на модный показ и на вечеринку в честь усыновления Анджелиной Джоли очередного темнокожего младенца. В продвинутых галереях и дорогих бутиках ему тоже не место, да и что там может прикупить себе отстой? Разве что носки со стразами и обруч для волос, остальное на него просто не налезет. Отстой не представишь врагам и уж тем более друзьям, не стоит давать им лишний повод позлорадствовать.

Логика Женщины-Цунами вполне объяснима, но от этого Елизавете не становится легче.

Она даже начинает подумывать о смерти: самоубийство – вот самый подходящий выход из положения.

Можно сигануть из окна, а лучше – с крыши; можно повеситься в скверике рядом с домом; можно выжрать целую упаковку Карлушиного снотворного, предварительно записав таблетасики в торт «Санчо Панса» и совместив таким образом приятное с полезным; можно, в конце концов, броситься с моста. В каждом из способов ухода есть свои недостатки и свои преимущества, константа же одна – Елизавета. Вернее, Елизаветино тело, непрезентабельное само по себе. И вряд ли смерть сделает его более привлекательным. Смерть, как и жизнь, идет совсем другим людям.

Совсем-совсем другим.

А если прибавить сюда патологоанатомов и вообразить, какие шуточки они будут отпускать в морге по поводу новопреставленной Е. К. Гейнзе... Если прибавить сюда старого негодя фатера, который и месяца не протянет после ее гипотетического самоубийства... Нет, со смертью придется повременить. Хотя бы до того времени, пока Елизавета в одно прекрасное утро не восстанет ото сна Кэтрин Зэтой-Джонс (какой она была в возрасте семнадцати лет).

Три ха-ха. Если Елизавета перевоплотится в Кэтрин – зачем тогда умирать?

– Блюмхен!.. Блюмхен!.. Лизанька!..

Голос Карлуши, слабый и жалобный, едва доносится сквозь метель, а еще это архаичное русское «Лизанька»! Так Карлуша называет Елизавету лишь в экстраординарных случаях. Последний по времени относится к позапрошлому лету, когда он вкручивал лампочку в туалете и его долбануло током. Елизавета измучилась до крайности, пытаясь оказать помощь престарелому капризуле и, отчаявшись, даже припугнула его реанимобилем с бригадой врачей-беспредельщиков: они-де приедут в течение ближайших десяти минут и увезут страдальца в НИИ скорой помощи им. Джанелидзе. А уж там Карлуша на своей шкуре испытает все прелести бесплатной медицины! Как ни странно, после этого заявления здоровье умирающего резко пошло на поправку, и он потребовал водки – дабы окончательно и бесповоротно «заземлиться».

– Ты симулянт, Карлуша, – помнится, сказала тогда отцу Елизавета. – Симулянт и нытик.

Вот и сейчас он наверняка симулирует сердечный приступ, стараясь хотя бы таким способом снять с себя ответственность за сегодняшний вечер.

А если не симулирует? Если ему и правда плохо?

Елизавета обернулась. Карлуша стоял, прислонившись к фонарному столбу, и держался рукой за сердце. Голова его была запрокинута вверх, к беспокойным небесам, а на неподвижное лицо все падал и падал снег. Нужно-таки отдать должное Карлуше: его способность выстраивать утонченные театральные мизансцены в плохо приспособленных для этого местах потрясает.

Прямо актер театра Кабуки, меланхолично подумала не чуждая искусствоведческих реминисценций Елизавета, Итикава Дандзюро Одиннадцатый в роли куртизанки Оно-но Комати, скорбящей о безвременной кончине своего возлюбленного.

– Блюмхен! – еще раз с надрывом прокричал Карлуша, скосив глаза на дочь.

Она вовсе не собиралась откликаться и уж тем более подходить к отцу близко (на данный момент он несколько этого не заслуживает, старый негодяй!), но... после пятнадцатисекундной пробежки самым удивительным образом оказалась рядом с ним.

– Что еще случилось?

– Помираю... Помираю, Лизанька!

– Не чуди.

– Ох, плохо мне... Сердце прихватило. Сейчас кончусь.

– Не кончишься.

– И валидол с собой не взял... Валидолу бы мне сейчас... Корвалольчику каплець сорок...

– Да ты же, кроме водки, отродясь ничего не пил!

Услышав пассаж про водку, Карлуша, вопреки обыкновению, и ухом не повел. Неужто и в самом деле помирает?

– Аккордеон ни в коем случае не продавай, не тобой куплен. Завещаю его внукам. И марки с монетами тоже. И проверь лотерейные билеты, они в книжном шкафу лежат. В Шиллере, третий том. Розыгрыш в следующую субботу... Вдруг нам миллион обломится – будет на что меня похоронить...

– Предлагаешь весь миллион вбухать в твоё погребение? Мавзолеем на могиле возвести из каррарского мрамора?

– Никаких мавзолеев! Никаких могил, все равно ты за ней ухаживать не будешь... Только кремация. Исключительно!

– Это еще что за блажь? Кремация! – Абсурдность разговора не только не смущала, но и удивительным образом подзадоривала Елизавету. – Ты же хотел могилу и чтоб она утопала в цветах!

– Хотел, а теперь передумал. Кремируешь меня, а урну доставишь в Кельнский собор. Поднимешься на смотровую площадку и развеешь прах над любимейшим городом Карла Гейнзе, над его колыбелью. Только так моя душа воссоединится с прародиной и найдет покой... Ты все поняла насчет Кельна?

– Угу. Поняла.

– И не вздумай избавиться от праха в другом месте! Пообещай мне, что сделаешь так, как я сказал... Обещаешь?

Видя, что дочь хранит гробовое молчание, Карлуша уронил голову на грудь и снова запричитал:

– Воздуху... Воздуху не хватает... Видно, и впрямь карачун пришел... Прости меня за все, блюмхен, если в чем был виноват... Как перед Богом прошу... Прости...

«Бог» по-немецки будет «Gott», невпопад подумала Елизавета, а «прости»? Как будет «прости»?

– Что же ты молчишь, бессердечная?

– Думаю.

– О чем можно думать, когда отец вот-вот концы отдаст?

– Думаю, что дело серьезное...

– Еще бы! Смертоубийственное!

– Потерпи немного, Карлуша... Я тебе умереть не дам, я сейчас реанимобиль вызову! Эскулапы за десять минут домчатся. Поедем с тобой в НИИ скорой помощи, там тебя быстро на ноги поставят.

– Это какой НИИ? Который имени Джанелидзе?

– Он самый. Стой спокойно и не нервничай, я быстро.

Минута истины, как и предполагала Елизавета, наступила тотчас же – стоило ей повернуться спиной к Карлуше и сделать несколько шагов.

– Блумхен, блюмхен!..

– Я же сказала, потерпи.

– Мне вроде того... Полегче! Вроде отпускает!

От высокой трагедийности театра Кабуки не осталось следа, ему на смену пришел заштатный площадной балаган, – но и Елизаветина злость на отца куда-то улетучилась.

– Ф-фу... Чуть не умер, надо же! – по инерции продолжил стенания Карлуша.

– Да ладно. Не умер ведь. Зачем только ты потащил меня на эту встречу?

– Я не хотел. Не хотел... Но она настаивала. Хотела тебя видеть. Сказала, чтобы я не смел тебя прятать, что у нее... э-э... есть рычаги давления...

– А ты, значит, испугался?

– Нет.

Карлуша произнес это так твердо и так спокойно, что Елизавета сразу поняла: он не придуривается и не врет. Минуту назад придуривался и врал, *разыгрывал спектакль*, а теперь –

нет. Потому что если поскрести его, то за вздорностью характера, эксцентричностью поведения и общей нелепостью облика обнаружится большое сердце. Исполненное нежности, любви и самопожертвования.

– И зачем ты сказал ей, что я красива, как бог?

– Разве это не так? Я сказал чистую правду.

Спорить с Карлушей бесполезно, да и тема красоты уж больно скользкая. Неприятная. Не сулящая в Елизаветинном случае никаких положительных эмоций. Но если уж Карлуша думает, что она красива, – пусть его! Отцовский взгляд всегда субъективен и мало соотносится с действительностью. Это особый взгляд. И глаза у Карлуши особенные: сейчас они похожи на два занесенных снегом водоема, на два озерца. Несмотря на снег, береговой лед и прочие прелести календарной зимы, в озерцах торжествует открытая вода. Она дает приют всем, кто в нем нуждается, – уткам, диким серым гусям и даже страшно редким черношейным австралийским лебедям. Елизавета, конечно, не лебедь, но и ей всегда найдется местечко в озерцах-спасателях. *Спасителях* – так будет вернее.

– Давай забудем про этот вечер. Как будто бы его вовсе не было, – чеканя каждое слово, произнесла Елизавета и принялась стряхивать снег с Карлушиного пальто.

– Давай! – с готовностью откликнулся Карлуша. – Я уже забыл. Потом, лет через пять или десять... Когда ты спросишь меня, что мы делали в этот вечер, я скажу: мы ходили на каток.

– Мы оба даже на коньках не стоим. Придумай что-нибудь другое.

– Ходили на концерт французского аккордеониста Ришара Галлиано?

– Не-ет... Еще.

– Ходили в театр? В цирк?

– Да ну, тухлятина какая-то получается – цирк, театр... – Елизавета состроила скептическую гримасу. – Должно быть нечто выдающееся, о чем имело бы смысл вспоминать лет через пять.

– Я, кажется, придумал. Мы провели этот вечер в парке аттракционов. Стреляли в тире, и ты выиграла приз как самый меткий стрелок. Брали напрокат головные уборы – ты ковбойскую шляпу, а я... Я...

– Тирольскую, – тотчас втянулась в Карлушин неконтролируемый бред Елизавета.

– Точно, тирольскую! Какую же еще!.. Мы катались на американских горках, на карусели и на таких машинках, которые вертятся вокруг своей оси и поднимаются над землей.

– Бывают и такие?

– Бывают. В Германии они на каждом шагу! Мы лакомились сахарной ватой, пили ситро. Играла музыка, как ты думаешь, какая?

– Понятия не имею.

– Аккордеонист Ришар Галлиано! Композиция «Всякий раз, когда я смотрю на тебя», здорово, да?

– Опять ты со своим Галлиано! Но сахарная вата – это неплохо. Вкусно. Еще можно добавить мороженое на развес, в вафельных стаканчиках.

– Яволь, блюмхен! Добавим мороженое.

– И бутерброды с сырокопченой колбасой.

– Приплюсуем и их.

– Нет, бутерброды с сахарной ватой не монтируются.

– Тогда бутерброды долой, а все остальное оставляем.

– Превосходно, только ты не учел, что зимой парки аттракционов не работают.

– Не работают? – Карлуша приуныл было, но тут же воспрял духом. – Другие не работают, а этот работает! Этот не такой, как все. Этот – сплошное веселье и радость круглый год! Мы наткнулись на него случайно, изумились и поразились, но решили остаться. И провели

там прекраснейший вечер – вот он и врезался нам в память навсегда! Как тебе такая версия событий?

– Я согласна.

...Что бы ни плел Карлуша, работающий зимой парк аттракционов – это явный перебор. Природная аномалия. Но придется поверить в нее, потому что больше верить не во что. Раз многократно воспетая всеми мыслимыми поэтами и прозаиками материнская любовь аннигилировалась и перестала существовать, то и парк аттракционов сгодится. Сгодится все что угодно, лишь бы заполнить внезапно образовавшуюся пустоту в душе. При этом пустота имеет тенденцию захватывать все новые – иногда самые отдаленные – участки: к примеру, там, где раньше располагалась редко встречающаяся способность множить в уме двузначные числа; или еще одна способность – запоминать имена эпизодических персонажей в блокбастерах и романах-эпопеях; или никогда ранее не афишировавшаяся страсть к кошкам породы петерболд и золотистым ретриверам. Елизавета больше не множит в уме и не в силах запомнить не то что персонажей – названия самых немудреных фильмов и книг. Ее перестали умилять петерболды, а увидев на экране телевизора золотистого ретривера, она попросту переключает канал. Женщина-Цунами время от времени тоже возникает на экране: в ток-шоу (в качестве эксперта), в интервью (в качестве интервьюируемой), в музыкальных и светских новостях (в качестве героини сюжета). Частота ее появлений гораздо выше частоты появлений ретривера: здесь Женщина-Цунами идет вровень с главным санитарным врачом и министром путей сообщения, а также – с чемпионкой по прыжкам с шестом Еленой Исинбаевой. Наверное, Женщина-Цунами мелькала в телевизоре и раньше, как мелькают в нем все остальные, богатые и знаменитые (недаром ее лицо показалось Елизавете знакомым), но теперь ее слишком много.

Чересчур.

И одним переключением канала тут не обойдешься.

Ушли в прошлое времена, когда Елизавета просиживала перед телевизором часами, отчего периодически возникали стычки с принципиальным противником ящика Карлушей. После всего произошедшего о ежевечерних телебдениях не может быть и речи. Телевизор для Елизаветы – мина замедленного действия, тротиловая шашка, граната с вырванной чекой. Неизвестно, когда, где и с какой силой рванет и каковы будут последствия взрыва. Вдруг Женщине-Цунами придет в голову рекламировать крем от морщин, или стать приглашенной звездой в сериале, или сыграть главную роль в телефильме, или выступить ведущей экопрограммы «Росомахи в опасности»? Но больше всего Елизавета боится ничего не значащих интервью, где сам собой всплывает вопрос о личной жизни. О семье и детях. *Толстая жаба* в семейный vip-список не попадает по определению, как не прошедшая фейс- и дрессконтроль.

Есть от чего рыдать в подушку.

Чем Елизавета и занимается едва ли не каждый вечер. Сами рыдания длятся не более пяти минут, после этого следует наиболее интересная и содержательная часть программы – мечты.

Елизавета мечтает о кардинальной смене имиджа и своем внезапном возвышении. О том, что – неизвестно с каких пирогов – заделается актрисой, топ-моделью и законодательницей мод. И ее обязательно пригласят в Москву, а затем в Париж, Лондон и Нью-Йорк, а также в Куршавель и Давос, где мировые знаменитости будут выстраиваться в очередь, чтобы только угостить ее шампанским и приложиться к ручке. И она еще подумает, от кого принять бокал, а кому отказать. Елизавета видит себя женой правящего князя Монако. Близкой подружкой голливудских звезд, венесуэльского президента Уго Чавеса и японского императора Акихито. Музой культового режиссера Квентина Тарантино (куда при этом денется Ума Турман, Елизавете совершенно наплевать). Она обязательно получит «Оскар» и станет лицом косметической фирмы «L'Oreal» (так ли хороша фирма «L'Oreal» или имеет смысл остановиться на «Ив Сен-Лоране?»). Да, вот еще что: группа «Роллинг Стоунз» посвятит *солнцеподобной Элизабет*

свое мировое турне, супермегакосмический писатель Харуки Мураками – свой новый роман, а первая ракетка мира (надо бы навести справки, кто именно обладает сейчас этим титулом) – победу на Уимблдоне. Фигура Елизаветы украсит Музей восковых фигур мадам Тюссо, и с ней без передыху будут фотографироваться школьники и туристы из азиатских стран.

И это всё?

Как бы не так!

Кроме прочего, Елизавета прославится как посол доброй воли ООН, как борец с бедностью, противопехотными минами, лейкемией и наркоторговлей; как заядлая яхтсменка, гонщица и охотник на крокодилов. Как политический деятель, остановивший гражданскую войну в Сомали и примиривший северных ирландцев с англичанами, а басков – с остальной Испанией. Она войдет в сотню самых влиятельных женщин мира, ха! Какая там сотня – в десятку!.. Причем место, которое сама себе скромно отводит Елизавета, – никак не ниже четвертого. А первые... Первые три, так и быть, навечно закрепляются за принцессой Дианой, Матерью Терезой и Девой Марией. Но поскольку эти властительницы умов и душ уже покинули мир живых, то Елизавету можно считать первой.

Nimmer ein, как сказал бы Карлуша. Нехило. Офигительно. Умереть не встать. Просто дух захватывает!

Сверхидиотизм подобных мечтаний нисколько не смущает Елизавету. Тем более что за первым актом (возвышение) сразу же следует второй – наисладчайший (встреча). Встреча ее величества Елизаветы Гейнзе-Гримальди, княгини монашеской и самой влиятельной из ныне живущих представительниц прекрасного пола, с матерью, Женщиной-Цунами.

За те годы, что они не виделись, в судьбе Женщины-Цунами произошли катастрофические изменения. Она лишилась работы и средств к существованию, потеряла квартиру, и друзья – все до единого – отвернулись от нее. Женщина-Цунами уже не так красива, как прежде (не на что делать круговую подтяжку лица, да и годы берут свое). Канули в вечность времена, когда она рассекала пространство на машине: теперь ее удел – переполненное метро, где ни одна собака не уступит ей место. Чтобы не умереть с голоду, Женщина-Цунами вынуждена стоять на паперти и просить милостыню.

Там-то, на абстрактной паперти абстрактного православного собора, и застывает ее Елизавета Гейнзе-Гримальди во время своего абстрактного государственного визита в Россию.

Это случится зимой, так трогательнее и живописнее.

Это случится зимой, и они сразу узнают друг друга – княгиня и нищая. Поначалу Женщина-Цунами не посмеет окликнуть дочь, а будет плакать горячими слезами раскаяния. Но и без того не проходило дня, чтобы она не раскаивалась: ведь сведения о головокружительной карьере Елизаветы можно почерпнуть в любом журнале, в любой телепрограмме, а ее изображения украшают... украшают... Что именно украшают ее изображения, Елизавета никак не может дофантазировать до конца. Неплохо было бы увидеть свой профиль на монетах, но это, пожалуй, слишком даже для сверхидиотических мечтаний. И это отвлекает от самой (наисладчайшей) темы встречи.

Итак – паперть. О чем только не передумает Женщина-Цунами, глядя на ослепительно-прекрасную Елизавету! На дочь, от которой она так подло и вероломно отказалась. Она проклянет день, когда совершила это преступление, и ей ничего не останется, как кинуться в ноги брошенному ребенку. Первая попытка будет неудачной (Женщине-Цунами помешают телохранители и свита), но затем...

Затем наступит самый волнующий момент, ради которого вся эта вавилонская башня ерунды (с элементами клинического бреда) и затевалась.

Царственным (каким же еще!) жестом Елизавета отстранит телохранителей, приблизится к матери, поднимет ее, коленопреклоненную, с земли и прижмет к своему великодушному

сердцу. Она простит мать и возьмет с собой в Монако, и они будут счастливы до конца дней своих.

Помимо паперти существует еще несколько детально разработанных вариантов первого свидания с Женщиной-Цунами, но этот нравится Елизавете больше всего. Прокрутив его в мозгу, она засыпает счастливой.

А просыпается несчастной, в своей маленькой комнатке, которая не могла бы претендовать даже на место для хранения швабр в монашеском королевском дворце, не говоря уже о помещениях посolidнее. При свете дня фантазии Елизаветы скукоживаются и превращаются в пыль, лучше уж сосредоточиться на мантрах о зимнем парке аттракционов: *я была там, именно там, и мне было хорошо.*

Но и днем отказаться от мыслей о Женщине-Цунами не так-то просто. С Карлушей о ней не поговоришь, и Елизавета выбирает в качестве наперсниц своих подруг – тем более что им давно не дает покоя мрачное Елизаветино расположение духа.

Рассказ о внезапно объявившейся матери производит на них неизгладимое впечатление. А когда выясняется, кто стоит за туманным словообразованием «Женщина-Цунами», Пирог и Шалимар и вовсе выпадают в осадок.

– Ты гонишь! – после двухминутного изумленного молчания произносит Пирог.

– Ни капли не гоню.

– Поклянись! – насекает Шалимар.

– Клянусь здоровьем папочки.

– Нашла чем клясться! Твой папахен проспиртовался лет на двести вперед, он нас всех здесь пересидит! Клянись чем-нибудь другим.

– Ну хорошо... Чтоб меня раздуло до размеров Монтсеррат Кабалье, если я гоню...

– Положим, ты уже от нее недалеко. – Шалимару не чужды ни ехидство, ни художественные преувеличения. – Но считай, что мы тебе поверили.

– Не знаю, не знаю. – Пирог рассматривает Елизавету так пристально, как будто видит в первый раз. – Вы и не похожинисколько. Я и то больше похожа! Она еще одну дочку в роддоме не оставляла? Я бы от такой термоядерной маман не отказалась, чес-слово!

– Я бы тоже не отказалась, – вздыхает Елизавета. – Это она от меня отказалась. Сначала когда я была маленькой. И теперь вот та же история.

– Хочешь сказать, вы увиделись... И всё?

– Всё.

– То есть как это? Она не предложила тебе перебраться к ней, в Москву?

– Я даже не знаю, живет ли она в Москве...

– Да в Москве она, где же еще! Жирует на Рублевке. А еще у нее дом в Испании и кое-какая недвижимостна Майами.

Шалимару можно доверять на все сто процентов: она пристально следит за сезонной миграцией богемы и вообще держит руку на пульсе светской жизни. И все же Елизавета, уязвленная в самое сердце обилием зарубежных активов Женщины-Цунами, недоверчиво переспрашивает:

– На Майами? А откуда ты знаешь?

– Лайза-Лайза, сермяжная душа! Прессу нужно читать. И телевизор смотреть хоть изредка.

– Н-да... Жопа, – меланхолично изрекает Пирог.

– В каком смысле «жопа»?

– В самом прямом. При такой родительнице ты, Лизелотта, могла бы взлететь до небес. Ну и мы, твои самые родные и близкие подруги, взлетели бы вместе с тобой. Проводили бы время в Штатах, катались по Европе. Но, судя по раскладу, этого счастья нам в ближайшее время не светит?

– Вроде того. Не светит.

– А ты еще спрашиваешь про жопу!

– Жопа и есть. Жопее не бывает, – с ходу включается в обсуждение филенной проблемы Шалимар. – Но ты же не намерена оставлять все как есть?

– А что я могу изменить?..

Елизавета не настолько глупа, чтобы озвучить свои ночные фантазии: сделай она это – и Пирог с Шалимаром поднимут ее на смех, и это в лучшем случае. В худшем – сочтут ненормальной, покрутят пальцем у виска и вообще перестанут с ней водиться. Чего страшно не хотелось бы, ведь других подруг у Елизаветы Гейнзе нет.

– Я вот что решила: пусть все остается по-прежнему. Жили ведь мы без нее до сих пор. И теперь проживем.

– Еще чего! – хором заявляют Пирог и Шалимар, перспектива остаться без внезапно замаячившего на горизонте пропуска в высший свет приводит их в неистовство. – Нужно достать эту стерву! Выкачать бабло и голой в Африку пустить!

– Думаю, это невозможно.

Возможно, еще как возможно! Более того, в течение нескольких минут у Пирого и Шалимара рождаются два совершенно разных и довольно экстравагантных плана.

План Пирого включает генетическую экспертизу, призванную определить степень родства между Елизаветой и Женщиной-Цунами. По результатам экспертизы стряпается исковое заявление на взыскание алиментов с матери-кукушки-ехидны-отступницы, и уже с ним Елизавета отправляется в суд и спокойненько выигрывает дело.

– Судиться с родной матерью? Нет-нет, я на это не способна.

– Не бойсь, до суда не дойдет, – успокаивает переполошившуюся Елизавету Пирог. – Такие твари, как твоя мамаша, суды не любят по определению. Предпочитают решать все потихому, не предавая огласке обстоятельства дела. Вот увидишь, отслонявит тебе приличные отступные, на этом все и кончится. Пара-тройка миллионов баксов тебя устроит, Лизелотта? Меня – очень даже. А тебя, Шалимар?

– А по мне, так пусть долбанет! – Глаза Шалимара горят сумрачным вдохновенным огнем. – Пусть шарахнет так, чтобы никому мало не показалось! Чтобы всех в клочья порвало. Это я люблю, это я называю НАСТОЯЩИЙ РОК-Н-РОЛЛ!!

– Что ты имеешь в виду? – заранее пугается Елизавета, всегда считавшая рок-н-ролл слишком энергичной, беспокойной и бессмысленной музыкой.

– Суды, экспертизы – фи, тухлятина! С тоски сдохнуть можно. Предлагаю созвать пресс-конференцию. Пригласить корреспондентов самых бульварных, наижелтейших газет, да еще телевидение подтащить. Не меньше десяти съемочных групп с разных каналов, включая «Дискавери» и «Animal Planet».

– Для чего?!

– Чтобы поведать миру, какая у тебя сука мать! Объективно она ведь сука, правда?

– А «Animal Planet» тут при чем?

– При том, что она еще и животное, – безапелляционно заявляет Шалимар. – Художественных преувеличений тоже бояться не стоит. Расскажешь, как она тебя травила цианидом в младенчестве и ты выжила только чудом... А потом...

– «Травила», «цианидом», ну что за бред?

– Действительно, это как-то чересчур. – Пирог ревниво переводит взгляд с Елизаветы на Шалимара и обратно. – Это уже даже не индийское кино, а мексиканский сериал какой-то! Девятьсот лохматого года выпуска.

– Чем бредовее история, тем легче в нее поверят. И тем быстрее за нее уцепятся. И тем большим тиражом она разоидется, – парирует Шалимар. – Доверься мне, Лайза. Я тебе такую

легенду сочиню – в осадок выпадешь!.. Обещаю – репутацию твоей мамаше мы подмочим основательно. Она у нас кровью харкать будет и ссать рибонуклеиновой кислотой!..

Помимо сдобренного цианидом детства Шалимар предлагает Елизавете героинное отрочество и раннюю юность, погрязшую в самых диковинных маниях и фобиях. Вполне серьезно рассматриваются агорафобия, арахнофобия, клаустрофобия, непреодолимый страх перед лыжной мазью, новогодними электрогирляндами, вещами в шотландскую клетку, движущимися эскалаторами, блондинами в форме проводников поездов дальнего следования (не ниже метра восьмидесяти ростом), воздушными шарами и аэростатами, а также тротуарной плиткой красного цвета. Болезненная тяга к чистоте отвергается Шалимаром как скучная и непродуктивная. Зато всячески приветствуются страсть к исполнению арий из оперетт в общественных уборных и kleptomания. Kleptomания почему-то вдохновляет Шалимара больше всего.

– Хорошо бы еще, чтоб тебя застукали на месте преступления, с краденым добром в зубах.

– Это же уголовно наказуемо... Я не хочу сидеть в тюрьме.

– Может, тебя и не посадят, войдут в положение... Вот американская актриса Вайнона Райдер регулярно на этом попадает, и ничего. Как с гуся вода. А все потому, что kleptomанка! А kleptomания, да будет тебе известно, официально признанная болезнь.

– Но я не kleptomанка, – вяло пытается отбиться Елизавета. – Я нормальный человек.

– Нормальных людей в мире не осталось, и это тоже медицинский факт. – Сбить Шалимара с курса не так-то просто. – Но ты только представь, с какими заголовками выйдут газеты! «Дочь популярного продюсера попала на воровстве». Или: «Дочь популярного продюсера страдает тяжелой формой kleptomании». Или: «При аресте дочь популярного продюсера покусала двух спецназовцев». И твоя фота на весь разворот. Разве не круто?

Елизавета пожимает плечами. Попасть на первые страницы газет – вещь довольно заманчивая, и она, несомненно, приблизит дочь к матери на несколько сантиметров и даже метров. Весь вопрос в том, какой ценой дастся приближение. И фотография...

Наличие фотографии никоим образом не поспособствует героизации и канонизации Елизаветиною облика и не вызовет у читателей сострадания к ее горестной сиротской судьбе. Сиротство в косном сознании большинства предполагает недоедание, недосыпание и прочие лишения. А разве по *толстой жабе* скажешь, что она недоедала? Напротив, все подумают, что она с утра до ночи запихивалась котлетами и отбивными, не брезговала пирожными с заварным кремом и жрала плов руками – какое уж тут сиротство?! Вайноне Райдер все сходит с рук, потому что она в первую очередь худая, а уже потом – знаменитая, а уже потом – kleptomанка. Всем до смерти хочется защитить худышку, оградить хрупкое и трепетное существо от бед, идущих извне. От уголовного преследования – в том числе. Фотогеничность и худоба носителя порока позволяют ему отделаться легким испугом там, где любого из популяции *толстых жаб* засудят на полную катушку. И каждый лишний килограмм обернется дополнительным пунктом в обвинительном заключении.

Это жутко несправедливо, но такова жизнь.

И разве дело ограничивается лишь вопросами права? Претензии *толстых жаб* на любовь (в том числе – неразделенную) выглядят смехотворными. Их слезы нередко принимаются за пот, струящийся по лицу, а тяжелые вздохи – за одышку. Ни одна *толстая жаба* не была замечена на обложке популярного журнала, ни одна не сделала карьеры в шоу-бизнесе, каким бы золотым или бриллиантовым ни был ее голос, – вот они и отираются на оперных и джазовых задворках. Маются с контрабасами и виолончелями, потому что крошечная скрипка в их руках выглядит нелепо. Подразумевается, что и ум у них такой же заплывший, как и тело, а никакой не острый. И если уж случится несчастье и *толстая жаба* совершит эпохальное открытие, двинувшее вперед науку, или создаст шедевр, способный перевернуть представле-

ния об искусстве, – что ж, их отметят и, возможно, даже наградят. Но как-то украдкой, стыдливо, едва ли не под покровом ночи. Конечно же, никто не запрещает *толстым жабам* творить, но пусть они делают это где-то там, на выселках, за линией горизонта, не смущая взор хорошо сложенного и проникнутого духом раздельного питания cosmopolitan-мира.

Так или примерно так думает Елизавета, мрачно глядя на Пирого с Шалимаром.

– Идите вы к черту, – наконец заявляет она. – Кретинки. Дуры алчные.

– Сама дура! Сиди в своем дерьме, а мы тебя знать не знаем! И никогда больше к нам не подходи! Ты слышишь – **ни-ко-гда!**

«Никогда» в семнадцать лет длится две недели, от силы – месяц. Пирогоу с Шалимаром хватило двух дней, чтобы смертельно соскучиться, и пяти, чтобы помириться. У этого примирения существует масса подводных камней, о них все трое подсознательно стараются не вспоминать. Пирог и Шалимар не очень-то ладят друг с другом, а Елизавета всегда служила буферной зоной между ними и одновременно цементирующим составом, благодаря которому столь сомнительная дружба до сих пор не развалилась.

Пирогоу не интересны рассказы о девичьих победах Шалимара (подлинных или мнимых). Шалимара же с души воротит от бесконечных терзаний Пирого, *какую профессию выбрать, чтобы крупно не прогадать в материальном и карьерном плане*, и стоит ли посещать курсы фэн-шуй или лучше сосредоточиться на курсах маркетинга и делового английского с носителями языка. Как правило, все это, методично вникая в подробности, выслушивает Елизавета; и, наконец, на фоне тюленеподобной и не слишком привлекательной Лизелотты-Лайзы Пирог и Шалимар смотрятся умопомрачительными куколками, настоящими секси, им даже макияж ни к чему! Если бы Елизавете пришлось эскортировать их в любое из модельных агентств, они с лету подписали бы договор о сотрудничестве с последующим воцарением на лучших подиумах мира. Ведь давно известно: ничто так не красит молодую девушку и не поднимает ее самооценку, как наличие подруги-страшилища.

Спустя пять дней после начала бойкота Пирог и Шалимар, слегка одичавшие от недостатка полноценного общения, вызывают свое страшилище на разговор. Непродолжительный сам по себе, он заканчивается объятиями, слезами раскаяния, заверениями в дружбе до гроба и распитием слабоалкогольных напитков в ближайшем сквере.

– Я так скучала по тебе, Лизелотта! – то и дело повторяет Пирог, прижимая к груди банку с пивом.

– А я скучала еще больше, Лайза! – вторит Пирогоу Шалимар, размахивая банкой с джин-тоником. – А ты? Ты хотя бы на волосок соскучилась?

Елизавета в этот момент думает о том, что лучше бы взяла пивасик, как Пирог. Или джин-тоник, как Шалимар. Тогда не пришлось бы давиться адской смесью водки и псевдоапельсинового сока под названием «Отвертка». И зачем только она купила эту гадость?

В пику своим подругам и во славу Карлуши, вот зачем.

Все это время Карлуша держится молодцом, старательно не вспоминая о Женщине-Цунами. Он пьет гораздо меньше, чем обычно, записался на прием к немецкому консулу и в общество анонимных алкоголиков, вложил пять тысяч рублей в паевой инвестиционный фонд и купил две гантели по десять килограммов каждая. «Буду вести здоровый образ жизни, блюмхен, – заявил он Елизавете. – Чтоб, не дай бог, не окочуриться до того, как мы переедем в Германию. И чтоб не оставлять тебя одну, пока ты не встанешь на ноги». И еще: Карлуша, всю жизнь мнивший себя атеистом, за две недели умудрился посетить православный храм, лютеранскую церковь, синагогу и буддистский дацан. Чем именно он там занимался, осталось загадкой. А когда Елизавета попыталась прояснить ситуацию, на полном серьезе сказал:

– Не знаю, каким богам молиться, чтобы все у нас с тобой было хорошо.

– У нас и так все замечательно.

– Да, но хотелось бы еще заручиться поддержкой высших сил. Кто-нибудь из них обязательно откликнется на смиренные просьбы любящего отца...

– Чтобы паевой фонд не прогорел с тремьями процентами годовых?

– Я клал под сто пятьдесят, но дело не в этом... Я имею в виду совсем не материальные вещи...

«Нематериальные вещи» – не что иное, как тихая бухта их семейного благополучия. Карлуша (о, святая простота!) все еще опасается, что в нее вторгнутся пираты под предводительством Женщины-Цунами и отнимут главную ценность его жизни – прекрасный, едва распустившийся цветочек-дочурку. Если бы не уговор никогда больше не упоминать имя Женщины-Цунами, как будто ее и в природе не существует, Елизавета в два счета объяснила бы отцу: abordаж с последующим пленением и насильственным разъединением семьи им не угрожает. Женщина-Цунами не будет искать дальнейших свиданий. Она наверняка сама проклинает тот день, когда решила поближе познакомиться с дочерью, не оправдавшей ее гламурных ожиданий.

Полуночные мечты Елизаветы тоже претерпевают изменения: хотя в них она по-прежнему де-факто *nimmer ein* в мировой табели о рангах, добраться до судьбоносной встречи на паперти никак не удастся. Елизавета засыпает прежде, чем Женщина-Цунами оказывается в ее гипотетических объятиях. Чтобы объятия все же состоялись до того, как ее сморит сон, будущая княгиня Монако пускается на всякие хитрости: проматывает на ускоренной историю собственного возвышения, исключает пункты с Тарантино, ООН и музеем мадам Тюссо. Из посреднических миссий остаются лишь переговоры с басками, но и это не срабатывает. Елизавета все равно отрубается, так и не дождавшись катарсиса. Да и в конце концов, зачем ей становиться княгиней Монако? Наверняка прав у княгини гораздо меньше, чем обязанностей, а еще ежегодный великосветский бал в Вене и масса благотворительных вечеров по самым разным поводам! Присутствовать на них просто необходимо, невзирая на головную боль, расстройство желудка и – ужас, ужас, ужас! – месячные. Как совместить маленькое и не очень-то просторное коктейльное платье с тампонами и прокладками?..

А папарацци?!

Как она могла забыть об этих гиенах, этих падальщиках? Папарацци не дадут ей и шагу ступить, будут щелкать и щелкать ее без продыха, иногда намеренно выбирая не самые удачные ракурсы. Продажа снимков ведущим мировым издательствам за бешеные деньги – еще полбеды. Хуже, когда снимки появятся в Интернете и всякая шелупонь начнет снабжать их своими подметными комментариями. А еще есть такая программа, где посредством нехитрых комбинаций кнопок на клавиатуре можно до неузнаваемости изменить внешность популярного человека, прилепить ему бурагинский нос, вывернуть губы на манер африканских, сделать косым, кривым и лишенным подбородка. Программа так и называется – «Достань звезду!». Достать звезду можно и другим способом, а именно: распространением о ней самых чудовищных слухов, самых грязных сплетен, самых отвратительных небылиц. Бог знает чего не читают о себе несчастные знаменитости! – читают и рыдают рыдмь, читают и впадают в ярость, читают и тут же набирают телефонный номер адвоката. Нет-нет, перспектива быть оболганной ни за чих собачий совсем не прельщает Елизавету Гейнзе. Пусть княгиней Монако становится кто-то другой. Пусть «Роллинг Стоунз» посвятят свое мировое турне не «солнцеподобной Елизабет», а «луноликой сами-придумают-кому» или вообще – 100-летию своей нескончаемой творческой деятельности. А у Тарантино и без того есть Ума Турман, и не стоит отнимать у режиссеров любимые игрушки, это может пагубно отразиться на их пищеварении.

Выход из положения напрашивается сам собой: поменьше мелькать на экранах и журнальных страницах, а лучше вообще никогда на них не попадать. Но как согласовать это с суперпопулярностью, о которой так бредит Елизавета?

Без средств массовой информации ее не достигнешь, без них человек обречен на незаметную и абсолютно непривлекательную роль мелкого обывателя (синонимы: быдло, мясо, инфузория, перегной). Обывательские чувства и мысли, а также победы и поражения можно разглядеть разве что под микроскопом, но и это маловероятно. Микроскоп – вещь благородная, глубоко научная, она открывает новые горизонты и служит продвижению самых передовых идей. Так стоит ли отвлекать столь замечательный оптический прибор на исследование душного обывательского мирка?

Однозначно – нет.

Микроскопу – микроскопово, а обывателю – обывателево. Никаких особенных взлетов, никакой зависти и злобы со стороны прочих двуногих, зато и потрясения сведены к нулю. В том числе потрясение, связанное с возможной материализацией в Елизаветиной жизни Женщины-Цунами. Эта уж точно не клюнет на мясо, инфузорию, перегной. Этой подавай вершины, глубины и звездные врата. И стандартные параметры успеха (90–60–90), а как раз их в телесах Елизаветы Гейнзе не обнаружишь ни с помощью рентгена, ни с помощью миноискателя.

Дилемма, *как бы завоевать мир, оставаясь при этом невидимой, неслышимой и не сползшей с дивана*, очевидно, не имеет решения. Хорошо Карлуше, у него подобные муки не в состоянии возникнуть в принципе. Просто живет себе человек, играет на своем «WELTMEISTER'e», любит свой кое-как слепленный природой блюмхен, попивает втихаря, совершает массу глупостей – и при этом остается милым и добрым.

Светлым.

Именно так: Карлуша – светлый человек! Елизавете страшно не повезло с матерью, но это невезение полностью компенсируется наличием прекраснейшего из всех отцов.

– ...Давайте выпьем за моего папочку! – провозглашает Елизавета, не в силах противостоять внезапно нахлынувшему приступу дочерней любви.

– За кого-кого? За твоего папашу? – синхронно кукусятся Пирог и Шалимар.

И их можно понять: как-то раз на дне рождения Елизаветы прямо у них на глазах изрядно перебравший Карлуша влил в себя целый стакан водки. После чего этот самый стакан был с помпой раздавлен в его руке. Кровищи пролилось море, причем ни Шалимар, ни Пирог (как выяснилось) терпеть не могут одного ее вида. Пирога едва не стошнило, а хлопнувшуюся в обморок Шалимар пришлось приводить в чувство с помощью нашатыря. В другой раз Карлуша донимал Елизаветиных подруг дурацкими расспросами о личной жизни дочери, *есть ли у нее воздыхатель, тэ-эк сказать, король червей? а то она такая скрытная – клещами ничего из нее не вытащишь, а еще – она слишком доверчивая и любой негодяй легко обведет ее вокруг пальца, вы уж присмотрите за ней, юные барышни, небесные созданыя... и... сигнализируйте, если что*. Кроме того, Карлуша так задолбал «небесные созданыя» аккордеонными наигрышами и бесконечными призывами исполнить всем вместе неаполитанскую песню «Скажите, девушки, подруге вашей...», что они торжественно поклялись никогда больше не переступить порог развеселого дома.

«Пошло оно в пень, галимое шапито», – резюмировала Пирог.

«Гори она огнем, филармония хренова», – резюмировала Шалимар.

И вот теперь неумная, лишённая критического взгляда на действительность Елизавета на голубом глазу предлагает выпить за директора шапито и главного дирижера филармонии в одном флаконе?..

Милое дело.

– Пить за него как-то не комильфо, ты уж прости... Да и с какой стати мы должны за него пить?

– Ну-у, для этого есть масса поводов. Он добряк, с ним не бывает проблем... И заглядывать в рюмку он стал намного реже... И потом, у него завтра день рождения.

– День рождения – это святое! – скрежещет зубами Пирог.

– За это грех не выпить! – по-змеиному шипит Шалимар. – Только по глотку и быстро!

Елизавета делает не один, а целых пять глотков, даром что день рождения Карлуши совсем не сейчас, зимой, а самым что ни на есть зеленым и радостным летом. Карлуша не только милый и добрый («светлый!») – он еще и летний.

А значит – теплый. За это тоже нужно выпить.

– Что-то ты увлеклась, Лизелотта. – Пирог проявляет совершенно ненужную озабоченность. – Всю банку высосала.

– Купим еще!

– Это вряд ли. – И где только Шалимар научилась такому противному менторскому тону? – Не стоит перебарщивать со спиртным, особенно тебе.

– А вам, значит, можно?

– Нам можно, а тебе нет.

– Интересно, в связи с чем такая дискриминация?

– У тебя дурная наследственность!

Конечно же, они имеют в виду Карлушу – вот гадины! Распространительницы наветов, клеветницы! Зря Елизавета так быстро согласилась на перемирие, не мешало бы помучить подружек ледяным презрением и игнором – годок-другой. А-ах, ничего бы из этого не вышло, ровным счетом ничего: можно сколько угодно убеждать себя в том, что Пирог и Шалимар так же одиноки, как она сама, но это – *другое* одиночество. Эгоистичное. Временное. Одиночество сегодняшнего дня. Стоит только Пирог с Шалимаром перестать быть эгоистками и начать хоть немного прислушиваться к другим людям, как все у них сразу же образуется. Люди, очарованные их красотой, потянутся к ним, подхватят на руки и уволочут в пещеру светлого будущего. С Елизаветой такого удивительного приключения не произойдет, пусть она и не эгоистка, а великодушное, тактичное и внимательное существо, готовое с благодарностью выслушать любой, самый запредельный бред («*дэлирум*», как называется это знаток пограничных состояний Карлуша). Тактичность и внимательность *толстой жабы* оставит людей равнодушными, и это – благоприятный сценарий. При неблагоприятном развитии событий ее попытаются отодвинуть на задний план, а то и вовсе убрать из кадра. И ни один мускул ни у кого не дрогнет, ни одна жилочка *толстой жабе* не посочувствует. Одиночество Елизаветы – не только сегодняшнее, но и завтрашнее, и послезавтрашнее. Оно – ее вечный спутник. И счастье еще, что Пирог с Шалимаром не бросили свою Лизелотту (а могли бы!) – какой уж тут игнор? Елизавете хочется плакать, но и смеяться тоже: роднее Пирого и Шалимара в целом мире нет, хотя их физиономии выглядят такими же надменными, какими были минуту назад. И час назад. И год.

– Девки, я вас люблю! Я по вас сучала... Или – по вам, как правильнее? – Язык у Елизаветы заплетается, вот новости!

– Уже нарезалась? – осуждающе качает головой Пирог.

– С сегодняшнего дня – только минералка, – вторит Пирог Шалимар. – И вообще, прием жидкостей осуществляется отныне под нашим контролем.

Они заботятся о ее здоровье, опекают ее – милые, милые, милые! А «Отвертка» – самая настоящая гадость, низкопробное пойло, никогда больше Елизавета к нему не прикоснется. Не прикоснется, точно, несмотря на неожиданно всплывший положительный эффект: голова слегка кружится, в ней бродят самые разные мысли – но не деструктивные, как обычно, а умиротворяющие. Не так уж она плоха, Елизавета! И глаза у нее красивые, хоть и круглые, а ресницы – так и вовсе длинные, и пушистые, и загибаются кверху. Это раз. *Eins!*

Лицо благородной лепки, отшлифованное столетиями великой немецкой истории с Гете, Бетховеном и сборной по бобслею в авангарде – это *zwei*.

Выразительные губы – это *drei*, *vier* и *fünf*³. Вряд ли губы могут полностью компенсировать отсутствие стройной фигуры, но они хороши уже сами по себе.

Они созданы для поцелуев.

Кто это сказал? Неизвестно. Наверняка какой-нибудь живший в дремучей древности классик. Во времена классика выражение смотрелось революционно и даже провокационно, оно было верхом куртуазности. Оно было необычным, оно было свежим. Но потом его взяли на вооружение опытные ловеласы – для того чтобы направо и налево соблазнять молоденьких девушек, смущать их невинные души и некрепкие умы. Вот и случилось то, что частенько случается: свежесть и необычность, если ими злоупотреблять, легко трансформируются в пошлость.

А Елизавета ненавидит пошлость и... она еще ни разу не целовалась.

Имеется в виду настоящий взрослый поцелуй с парнем, а не поцелуечики с Карлушей и подружками. Говорят – целоваться чертовски приятно. Смотреть на то, как целуются, приятно не всегда. Елизавета терпеть не может слюнявые обжиманцы на эскалаторе в метро и на автобусных остановках. Поцелуи в кинофильмах – совсем другое дело, они горячо приветствуются. Можно сказать, и фильмы Елизавета смотрит исключительно ради сцен с поцелуями. При этом в животе у нее разливается тепло, кровь приливает к лицу, а сердце начинает учащенно биться. Топ тщательно отобранных киношных поцелуев выглядит следующим образом:

- Рутгер Хауэр и Мишель Пфайфер в фильме «Леди-ястреб»;
- Мэг Райан и Кэвин Кляйн в фильме «Французский поцелуй» (!);
- Она же и Том Хэнкс в фильме «Вам письмо»;
- Сандра Баллок и *надо-бы-уточнить-имя-актера* в фильме «Практическая магия»;
- Софи Марсо и Венсан Перес в фильме «Аромат любви Фанфан».

Четыре американские картины и одна французская, отечественному кинематографу места в пантеоне не нашлось. Доморощенные любовники-аборигены ни капли не впечатляют Елизавету. То ли оттого, что русским вообще не свойственны чувственность и открытая сексуальность, то ли оттого, что они относятся к работе спустя рукава. А играть роль – тоже работа, как и всякая другая. У Елизаветы появился целый список антигероев, прикидывающихся влюбленными. На самом деле они любят только гонорары и еще – светиться в дурацких ток-шоу, пространно рассуждая на тему «какими качествами должна обладать женщина, чтобы понравиться мне». Качества, как правило, одни и те же: душевное тепло, доброта и понимание (оптимальный вес всего вышеперечисленного: нетто – 57 кг, брутто – 59); мудрость, идущая от коренных зубов, и отсутствие силикона в сись... в груди – они, видите ли, сторонники природной естественности. Список антигероев гораздо длиннее, чем зубодробительный топ лучших кинопоцелуев. И ни с одним из мужчин, фигурирующих в списке, Елизавета не стала бы крутить роман. Она даже заготовила несколько убийственных, исполненных презрения фраз – на случай, если эти деятели вдруг решили бы с ней познакомиться, подать ей руку при выходе из автобуса или подсесть к ее столику в кафе. Не важно, что они не ездят на автобусах и посещают вовсе не те места, в которых обычно пасется Елизавета. Важен сам факт наличия таких фраз и такой точки зрения: пусть мерзкие хлыщцы не думают, что им все позволено, что им ни в чем не будет отказа.

Пирог и Шалимар вроде бы поддерживают Елизаветину умеренно феминистскую точку зрения. Но это не мешает Пирогу тайне вождедель self-made пройдоху-миллионера Стивена Джобса (он намного привлекательнее пройдохи-миллиардера Билла Гейтса), – а Шалимару упиваться грезами о глупом, но красивом актере Игоре Вернике. Игорь Верник, конечно, староват для Шалимара, но могущественный Никита Михалков еще старше.

³ Три, четыре и пять (нем.).

Сама Елизавета мечтает лишь о Женщине-Цунами, да и то с течением времени эти мечты идут на спад. Их место занимают другие, такие же неосуществимые и далекие от реальности, а именно:

– хорошо бы стать верной и единственной подружкой прекрасного молодого гея, разговаривать с ним об абстрактных достоинствах мужчин и об их конкретных недостатках. С геем можно тусоваться где ни попадя и эпатировать всех и вся своей продвинутой, раскованностью и причастностью к субкультуре. Геи, по мнению Елизаветы, так же терпимы к чужим недостаткам и так же уязвимы, как ангелы, как она сама. А двум уязвимым существам всегда проще существовать вместе, чем по отдельности;

– хорошо бы завести игуану и прогуливаться с ней по Каменноостровскому проспекту в летние вечера. Игуана – тоже элемент эпатажа, она выделит Елизавету из толпы и заставит окружающих повернуть голову ей вслед. Заменителями игуаны могут служить сова, змея, обезьяна-капуцин, сокол или ястреб. Хорьки и попугаи ара лет десять как неактуальны, что уж говорить о совершенно приземленных собаках и кошках! Собаками и кошками никого не удивишь, да и игуана – результат Елизаветино компромисса с самой собой. Лучше всего было бы выгуливать пантеру или уссурийского тигра, но намордники для них еще не придуманы, и вообще... С намордниками они будут смотреться как-то жалко, следовательно, вся затея резко теряет смысл;

– хорошо бы научиться вселяться в тела других людей и управлять ими по своему усмотрению. Первым делом Елизавета вселилась бы в президента США, а также в лидеров европейских стран, ведущих недружественную политику по отношению к России. Безнаказанно вселившись, Елизавета напринимала бы уйму решений в пользу отчизны (коей, несомненно, является Россия, а не Германия, что бы ни вещал по этому поводу Карлуша). От имени всех этих влиятельных людей она заключила бы договора о самом-пресамом стратегическом партнерстве, официально признала РФ родиной слонов, упразднила визы в Европу и Америку, навсегда закрыла вопрос о Северных территориях и разогнала к чертовой матери Гаагский трибунал как воплощение омерзительных двойных стандартов. И наконец, добилась отмены поправки Джексона – Вэника (в чем ее суть – неясно, но достаточно того, что хрёнова поправка все еще существует);

– хорошо бы разжиться последней моделью культового мотоцикла «Харлей Дэвидсон» (эксклюзивная сборка, цена – 500 000 долларов) и рассекать на нем по Каменноостровскому с заездом на Невский и Дворцовую площадь. Бандана, напульсники, кожаные ботинки и куртка с вышивкой ручной работы идут в комплекте с мотоциклом;

– хорошо бы стать провидицей, новой Вангой или новым Нострадамусом, предсказать все войны и землетрясения, спасти миллиарды жизней и прославиться в веках как человек, оказавший решающее влияние на развитие цивилизации.

Кроме того, мечту проснуться Кэтрин Зэтой-Джонс (какой она была в возрасте семнадцати лет) тоже никто не отменял.

То-то бы удивился Карлуша, узнав, что за дикие фантазии свили гнездо в голове его дочери. Но и сам Карлуша не лучше – прожрал Елизавете плешь рассказами о зимнем лунапарке и о том, как они прекрасно провели в нем вечер – однажды в декабре. Карлуша мастак по части придумывания историй, вот и история с парком обросла самыми невероятными деталями. Ко взятым напрокат ковбойской и тирольской шляпам и призу «лучший стрелок» в виде плюшевого белого медвежонка прибавились подробные перечни аттракционов и десертных блюд из меню в кафетерии при парке, экскурс в метеорологию и гадание на картах Таро.

Оказывается, в тот вечер шел снег (первый в сезоне). И по прогнозам синоптиков, он должен был идти еще две недели кряду, вплоть до Нового года, но прогнозы не оправдались. Уже на следующий день на смену снегу пришел дождь. Новый год тоже получился дождливым,

а вся зима в целом – слякотной и бесснежной. Так что единственное светлое воспоминание о ней... Да-да, парк аттракционов, *genau!*⁴

Гадание на картах Таро – вообще отдельная история.

Карлуша утверждает, что первым заметил небольшой павильончик с плакатом, написанным от руки: «Хочешь узнать грядущее? Заходи!»

Карлуша утверждает, что встреча с демонической цыганкой (кто же еще должен гадать на картах, как не цыганка!) произвела на него сильное впечатление. Во-первых, цыганка оказалась кривой на один глаз, и глаз этот был закрыт повязкой на манер пиратской. Во-вторых, по акценту он сразу же признал в ней иностранку, но отнюдь не уроженку Германии, как ему хотелось бы. На прямой вопрос цыганка (ослабившись и продемонстрировав целый ряд золотых зубов) ответила, что она родом из Трансильвании, хотя и не является при этом ни вампиром, ни возлюбленной вампира, *ее зубы тому порукой*. Ценное и вовремя брошенное замечание, ведь Карлуша, по правде сказать, слегка струхнул. В-третьих, она сразу же выложила Карлуше некоторые подробности его жизни, дабы продемонстрировать: она – не шарлатанка какая-нибудь, а настоящий мастер своего дела. К подробностям относились происхождение Карлуши («вижу, голубь, ты нездешний, совсем в другой земле рожденный»), его родственные связи («вижу, ты не одинок, есть близкий человек, дочка»), его увлечения («вижу, ты не простой работяга, а человек возвышенной профессии... погоди-погоди, ты – музыкант!»).

Огорошив таким образом клиента, цыганка перешла непосредственно к гаданию. Так, за небольшую мзду в пятьсот рублей, Карлуша прикоснулся к своему будущему.

– И какое же оно, это будущее? – всякий раз спрашивает Елизавета.

– *Ausgezeichnet!* Превосходное! Лучшего и желать нельзя, – всякий раз отвечает Карлуша, не вдаваясь, впрочем, в конкретизацию.

Да и какая может быть конкретизация, ведь этого *никогда и нигде не случилось*. Не существует парка аттракционов, золотозубой гадалки на картах Таро, а ковбойская и тирольская шляпы украшают совсем другие головы, не их.

Достоверен только снег.

Все остальное – полуразрушенная раковина вымысла, в которую они с Карлушей норовят втиснуть свои жалкие студенистые тела. Спрятаться. Укрыться от самих себя и от правды, состоящей в том, что они – парочка никому не нужных неудачников. Стоит им исчезнуть с поверхности Земли – никто не забеспокоится. Пребывание же на Земле маленького семейства Гейнзе тем более никого не взволнует. Когда Елизавета начинает думать об этом – ей становится страшно. По-настоящему страшно. Уж лучше глупые Карлушины байки, чем эта пустота. И слова обличения, вот-вот готовые сорваться с ее губ, застревают в горле. Она ограничивается лишь вполне невинной фразой:

– А где же была я, когда ты отирался у гадалки?

– Помнится, идти к ней ты отказалась.

– Точно. Это в моем стиле. Не люблю предсказаний. Предпочитаю узнавать о событиях в режиме реального времени. Но где же я все-таки была?..

Иногда, когда Карлуша не в настроении, он бросает что-то типа: «тебе лучше знать». Но чаще он придумывает все новые и новые места дислокации Елизаветы. «Ты отправилась на аттракцион «Пирамида майя», «ты стояла в очереди к силомеру» и – верх остроумия и изобретательности: «ты покупала сливочные тянучки».

Сливочные тянучки, о!

Елизавета обожает сливочные тянучки, от одного упоминания о них во рту должен бы возникнуть сладкий, ни с чем не сравнимый привкус. Привкус действительно возникает, но

⁴ Вот именно! (нем.)

совсем не тот, который ожидала Елизавета. В нем есть нечто металлическое, хотя и органика присутствует. Этот привкус легко идентифицировать, если ты когда-нибудь, скрючившись в три погибели, слизывал кровь с содранной коленки или просто вытирал разбитый нос. Или резал палец, а потом, прижав его к губам, скакал по дому в поисках ватного тампона. Но Елизавета и в детстве отличалась степенностью, рассудительностью и неторопливостью движений, ни малейшего повода содрать коленку и уж тем более разбить нос у нее не было. Обошлось и без членовредительства, ведь Карлуша бдительно следил за тем, чтобы колющие и режущие предметы не попадали в руки его малолетнего блюмхена. Так что близкое с ними знакомство Елизавета свела в довольно почтенном возрасте одиннадцати лет, – а в нем просто так, по неосторожности, не режутся.

Если исключить личный опыт, остается чужой. Пересказанный, позаимствованный из книг и кинофильмов. Количество прочитанной и просмотренной Елизаветой макулатуры не поддается исчислению, и в каждом втором образчике речь обязательно заходит о комбинированном привкусе металла и крови во рту. Ничего хорошего он не предвещает и связан с экстраординарными событиями. Убийства и поножовщина – самые невинные из них. Куда неприятнее детальные описания мучений главных героев и смертей второстепенных. Как правило, это женщины до тридцати, привлекательные внешне, не шибко умные, но способные поддержать беседу о видах на урожай хлопчатника в испанской провинции Эстремадура и без запинки произнести слово «коллорабационизм». Их главное предназначение – перемещаться из пункта А в пункт Б без спутников и под покровом ночи. Причем выбираются самые безлюдные и непрезентабельные маршруты, где кишмя кишат маньяки с кухонными ножами, сумасшедшие с карманными Библиями и предсказатели судеб без определенного места жительства. Последние нужны как раз для того, чтобы вздуть к небу заскорузлый палец и произнести зловещим шепотом: «Ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь!» Вот тогда-то у потенциальной жертвы и возникает привкус металла во рту. Привкус крови появляется позже, во время незабываемо-сердечной встречи с серийным убийцей, он-то и означает: все, приплыли, сказочке конец.

О том, как это бывает в реальной жизни, Елизавета никогда не задумывалась. Конечно, она допускает, что страшные трагедии случаются, об этом изредка упоминают в пятнадцатиминутках криминальной хроники, идущей на всех каналах, кроме музыкальных. А есть еще получасовые и часовые тематические передачи, и целые документальные циклы – они отличаются особой кровожадностью, они норовят ударить по нервам побольнее, а также лишить покоя и сна. Наткнувшись на подобный опус, Елизавета тотчас щелкает пультом, переходя в другое, более щадящее, *удобоваримое* телепространство. Так что все ее шапочное знакомство с темными сторонами бытия сводится исключительно к малохудожественным беллетристическим изыскам и сериальному нон-стопу в прайм-тайм.

Следовательно...

Следовательно, то и дело возникающий привкус металла и крови во рту можно не замечать, отнести его к игре воображения, перегруженного информацией из фильмов и книг, – ведь на самом деле Елизавете ничто не угрожает. Карлушины байки уж точно не способны повлиять на ее психику! Кроме того, она счастливо избавлена от опасных связей (безопасных, впрочем, тоже). Она интуитивно избегает путешествий из пункта А в пункт Б в темное время суток. Но даже если это и случается – представить, что ее далекая от совершенства фигура способна хотя бы на миг заинтересовать серийного убийцу, и вовсе невозможно. Серийные убийцы, конечно, извращенные типы, но не до такой же степени!..

* * *

К окончанию школы Елизавета подходит с посредственными оценками по большинству предметов и обширными, неведь откуда выловленными и ни к чему не применимыми познаниями, а именно:

вампиры не отражаются в зеркалах;

в Париже есть станция метро под названием «Сталинград», вот бы посмотреть на нее хотя бы одним глазком;

если дотронуться до кончика носа скрещенными пальцами, то возникнет ощущение, что носов – не один, а целых два;

до середины XX века в школу Пекинской оперы принимали исключительно мальчиков; пингины – моногамные существа;

средневековое название Сербского княжества (а затем и королевства) – **Рашка**, стоило Елизавете упомянуть об этом в разговоре с подругами, как Шалимара тотчас же пробило на хи-хи. А более развитая интеллектуально Пирог заметила: *вот и объяснение inferнальной, почти космической связи «Русие – Сербие», у них одинаковое имя!*

Пирог и Шалимар вовсе не собираются эмигрировать из страны, но при этом упорно называют ее Рашкой. Елизавета же никогда не позволяла себе такого неуважительного отношения к России, хотя перманентно пакует чемоданы, готовая умотать в Германию по первому зову немецкого Botschaft⁵.

Есть и иные разногласия глобального свойства. Елизавета не верит в то, что американцы когда-либо были на Луне – Пирог с Шалимаром американцы в контексте Луны глубоко безразличны: другое дело, как ловко они обштопывают свои делишки на грешной земле, как заставили весь мир работать на себя!.. Елизавете не нравится звериный оскал не в меру раздувшегося НАТО – Пирог с Шалимаром готовы вступить в него хоть сейчас, при условии, что будет открыт широкий безвизовый доступ к стажировкам в Лондоне и сезонным распродажам в Милане. Конечно же, о стажировках мечтает карьеристка Пирог, втиснувшаяся в ЛЭТИ, на суперпопулярный факультет по связям с общественностью. Ходят слухи, что после его окончания выпускники получают не только российский диплом стандартного образца, но и сертифицированный американский – некоего загадочного Таусонского университета, находящегося в штате Мэриленд (зачем он нужен в России – не совсем понятно, но два диплома всяко лучше, чем один).

Шопоголичку и тряпичницу Шалимара, несмотря на такой же плачевный, как у Елизаветы, уровень знаний, удалось пристроить в институт культуры, на расплывчатую специальность «режиссура массовых праздников».

И лишь Елизавета осталась не у дел.

Не то чтобы она совсем не была заинтересована в высшем образовании, нет. Она просто не знает, к чему себя приспособить. Да и возможное абитуриентство и – не дай бог! – студенчество пугают ее до обморока, всё это – новые люди, не всегда лояльные и дружелюбно настроенные. Позитивная Елизавета не исключает: большинство из них – славные, милые, *сердечные*. Но нет никаких гарантий, что среди буйно цветущего людского великолепия не окажется подонка, который злобно бросит ей вслед – *толстая жаба!* И зачем, спрашивается, подвергать себя ненужным стрессам, когда можно их избежать?..

Елизавета ни за что не расскажет о своих опасениях подругам, даже под страхом смерти. Вот и приходится отделяться общими фразами насчет *я еще не решила, к чему у меня лежит душа*. Тем более что это правда. Хотя и не вся.

⁵ Посольства (нем.).

Елизавете хотелось бы сочинять сапоги, разные фасоны сапог. Именно сочинять, как сочиняют музыку или стихи, и не испытывать при этом мук творчества, – потому что их просто-напросто нет! А есть ощущение всемогущества и полета. И абсолютного внутреннего покоя, идущего от уверенности: то, что могу сделать я, не сделает никто. Со времен первого эскиза, воплощенного на салфетке, Елизавета перевела еще с три десятка подобных салфеток, несколько использованных билетов в кино, карманный блокнот с футболистом Бекхэмом на обложке и реликтовый, пожелтевший от времени ежедневник «Тяжпромэкспорт». На серьезные разработки это не тянет. Для серьезных разработок нужны: а) другая бумага; б) другие средства исполнения – акварель, к примеру; или мягкие оттеночные карандаши «Koh-i-noor», или перо с тушью.

Перо с тушью особенно вдохновляют Елизавету. Обладая ими, легко представить себя японкой, выплывшей из глубин Средневековья, несчастной подругой самурая, чьи широкие рукава мокры от слез. Почему она несчастна? – возлюбленный оставил ее ради бесконечных междоусобных войн. Он обещал вернуться, но стоит ли верить обещаниям почти что мертвеца? – ведь процент смертности среди самураев необычайно велик. Словом, ей ничего не остается, как коротать время за написанием изящных трехстиший (хокку) и пятистиший (танка) – для этого и нужны перо с тушью. Музыкальное сопровождение действия тоже приветствуется. Тут подошли бы сугубо национальные цитра или сямисэн, но вместо них в черепной коробке Елизаветы звучит полуистлевшая и единственная в своем роде японская попсытина – *сестры Пинац*. «Каникулы любви».

В русском варианте эта песня известна как «Дельфины». Карлуша на своем аккордеоне исполняет ее редко, считая тему недостаточно изошренной, хотя и привязчивой. А строка из припева («ра-асскажите, как сча-астлива я-а-а-а!») так же слабо соотносится с мокрыми от слез рукавами, как сама Елизавета с образом средневековой миниатюрной японки.

Миниатюрными были *сестры Пинац*. И все другие японки (грузных, толстошеих и толстозадых японок Елизавета не видала – ни на гравюрах, ни на ширмах, ни в кино). И все другие не-японки – поп-дивы, рок-дивы, старлетки и кинозвезды, ведущие прогноза погоды, виолончелистки, первые скрипки, мастера спорта по акробатическому рок-н-роллу, певица Бьорк. ***И все другие*** – универсальное словосочетание.

Всех других Елизавета обнаружила в окрестностях художественно-промышленной академии, в просторечии именуемой Мухой. В Муху она отправилась после детального изучения справочника «Высшие учебные заведения Санкт-Петербурга». Несмотря на прозаическое название, справочник тянул на «Книгу перемен», никак не меньше: в нем содержались наиполнейшие сведения о факультетах дизайна! Дизайн – вот что нужно Елизавете с ее рисованными сапогами, вот что может изменить ее жизнь и дать в руки гарантированный кусок хлеба! К высшей математике сапоги не приставишь, отрабатывать на них основополагающие принципы когнитивной психологии никому и в голову не придет, не говоря уже о том, чтобы тыкать в них пинцетом, изучая рефлекторную деятельность мышц. Дизайн – совсем другое дело. В узком смысле он трактуется любой энциклопедией как «художественное конструирование». О боги, хвала вам – ведь рисунки Елизаветы не что иное, как художественное конструирование!

Вооруженная этой внезапно открывшейся истиной, Елизавета и отправилась в Муху, чтобы присмотреться к факультетам дизайна. Но до собственно факультетов она не добралась: пространство вокруг училища оказалось заминированным. Мины не покоились в земле и не были замаскированы под сигаретные пачки и детские игрушки – напротив, находились в открытом доступе: подходи и рви зубами детонатор. Но любое столкновение с минами разнесло бы Елизавету в куски – ведь в их роли выступали те самые ***другие***. Стройняшки-абитуриентки немислимой красоты в таких же немислимых одеяниях. Джинсики на бедрах, бриджики на шнуровке, шортики, похожие на трусики, и трусики, похожие на шортики, безрукавки-кантри

(бахрома и замша), юбки всех мастей и сортов – от мини до макси; бесстрашные открытые топики, провокационные майки, нежнейшие блузы.

И конечно же, аксессуары!

Аксессуары были тайной страстью Елизаветы, ее наваждением не хуже сапог, и... Они были совершенно недостижимы. Так же, как татуировки, пирсинг и лак для ногтей цвета крови, пролитой патриотами во имя торжества Сандинистской революции в Никарагуа. Гипотетически Елизавета могла бы унавозить тело татуировками, проткнуть язык, пупок и прочие интимные части тела; она могла выкрасить в карминно-красный не только собственные ногти, но и воспользоваться накладными – с перьями, блестками и стразами от Сваровски. Другое дело, что на *толстой жабе* весь этот великолепнейший эстетический нонконформизм выглядел бы смехотворно. Чтобы не сказать – отталкивающе. А аксессуары? а драгоценности? – ремни, кольца, серьги, броши, цепочки, подвески, браслеты, летние панамы, шапки с еотовыми хвостами, широкополые шляпы с вуалью *a la Грета Гарбо выползла в булочную пробздеться!*.. Превосходные сами по себе, они увеличивали собственный вес владельца как минимум на полкило, а ведь в прискорбном Елизаветином случае борьба шла за каждый грамм! Но даже если не заикливаться на массе, существует еще такая подлая штука, как визуальное восприятие. Кольца на пухленьких пальцах смотрятся совсем не так изысканно, как на худых. Самая невинная цепочка, будучи водруженной на *толстую жабу*, привлечет ненужное внимание к ее шее (она не столь длинна, сколь хотелось бы); к ее ключицам (они не выпирают трогательно, а норовят укрыться под слоем жира и заснуть вечным сном); к ее груди... Впрочем, грудь у Елизаветы была так себе, ничего выдающегося, об арбузах, а тем более ведрах речь не идет, заурядный третий размер – что в ее случае можно считать подарком судьбы.

На фоне этого уныния (прикрытого к тому же ковбойкой, жилеткой и платком-арафаткой) слаборазвитые, но крепкие, как орех, груди стройняшек-абитуриенток казались настоящим откровением, жемчужиной Средиземноморья, Карибского бассейна и дельты Нила. Их украшения (все те же кольца, серьги и браслеты) не были куплены в обычных магазинах, но – с риском для здоровья – добыты в совершенно экзотических частях света. А может, стройняшки сами изобрели их, разработали эскизы и воплотили задуманное в самые диковинные материалы? Последнее – вернее всего, недаром все они толкуются у Мухи, этой колыбели декоративно-прикладного искусства!..

В борьбе со стройняшками за место под дизайнерским солнцем победы ей не видать, справедливо рассудила Елизавета. И повернула оглобли в сторону ближайшего летнего кафе. Демонстративно усевшись спиной к помпезному куполу Мухи и заказав чайник с каркадэ и кусок торта, она принялась размышлять о своих перспективах.

Итак, высшее образование делает ей ручкой, но жизнь на этом не заканчивается. Можно устроиться кондуктором в общественном транспорте (трамвай подойдет как нельзя лучше). Курьером в типографии с бесплатным проездным на все тот же трамвай, в котором она собирается работать кондуктором (проверять билеты у самой себя – в этом есть что-то экзистенциальное). Смотрителем собачьего приюта (животные не в пример добрее людей). Можно влиться в стройные ряды распространителей биологически активных добавок и косметики «Мэри Кэй». Нет-нет, последнее отпадает, чтобы стать распространителем, нужно обладать даром убеждения и той особенной легкостью характера, что позволяет хватать за полы и выкручивать руки совершенно незнакомым людям. Кажется, это называется «коммуникабельность», а как раз ее Елизавета лишена напрочь. Есть еще один неслабый вариант – укрыться за стенами православного монастыря, принять постриг и сделать карьеру в качестве монахини с последующим причислением к лику святых. Все просто и ясно: четки, клобук, ряса, скрывающая недостатки фигуры; Великий пост и остальные посты, всенощные, причастия, Божественная литургия, крашение яиц на Пасху, пение псалмов – и так до окончания земного пути. Единственное «но» – Елизавета не особенно религиозна. И легкомысленно склоняется к буддизму как к

религии, предполагающей возможность реинкарнации. *Поскорей бы реинкарнироваться в Кэтрин Эту-Джонс*, мечтательно закатила глаза Елизавета и занесла ложку над тортом.

– Вы позволите? – неожиданно раздалось прямо у нее над ухом.

Несмотря на утренний час, в кафе было довольно много народу – сказывалась-таки близость к историческому центру вообще и к Мухе в частности. За столиком справа сидели два бритоголовых типа, синхронно выпрыгнувшие напрямик из криминогенных девяностых. За столиком слева – три мухинские стройняшки-клона, отличавшиеся друг от друга лишь цветом волос и деталями туалета. Чуть поодаль расположилась небольшая компания Елизаветиных ровесников; судя по лицам, прикиду, вызывающему смеху и отчаянной жестикуляции, их образ жизни резко отличался от образа жизни Елизаветы. И наверняка включал в себя посещение ночных клубов, употребление легких наркотиков, зависание на данс-пати и прочие мерзости и излишества, о которых можно только мечтать. Имелись в наличии также влюбленная парочка, увесистая гроздь туристов из Европы и один китаец. В руках китайца были зажаты карта и путеводитель по Санкт-Петербургу, а физиономия выражала такое страдание, что становилось ясно: китаец, на свою беду, откололся от родного китайского монолита (состоящего как минимум из ста китайцев) и совершенно не знает, как вести себя вдали от коллектива.

– ...Так вы позволите? Я вас не стесню, детка.

Голос, повторно прозвучавший над Елизаветой, принадлежал старухе. Длинное, неопределенного цвета платье, кацавейка с вылезшим мехом, поникшая бумажная хризантема на правом плече и нитка дешевых стеклянных бус – все это соответствовало расхожим общественным представлениям о благородной бедности. Картину дополняли облупленный лаковый ридикюль и полуботинки времен столыпинской аграрной реформы.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – учтиво откликнулась на старушечью просьбу Елизавета, хотя наслаждаться тортом и строить планы на будущее в обществе старой карги никоим образом не входило в ее планы.

Вот так всегда – она вечно оказывается крайней. Молча терпит неудобства, вместо того чтобы не допускать их вовсе. И не только терпит – придумывает им всяческие оправдания. Еще бы, куда деваться пожилому человеку, если все места заняты? Припасть к двум уголовным бугаям? Внедриться в компанию наркоманов и свингеров? Поддержать беседу стройняшек о вредоносном воздействии на кожу ультрафиолета? О деморализованном китайце и влюбленной парочке речи нет – остается одна Елизавета.

Все верно – если не учитывать наличие трех абсолютно свободных столиков.

И чего ей только надо, гримзе?

Поговорить.

Это стало понятно, как только старуха поставила на стол чашку с кофе и принялась беззастенчиво пялиться на Елизавету.

– Ну те-с, как поживаете, дорогая моя девочка? – спросила она.

Не твое собачье дело, как я поживаю, мысленно огрызнулась про себя Елизавета, но вслух сказала:

– Хорошо. Я поживаю хорошо. А вы?

– Вас это действительно интересует?

– Конечно. Я люблю людей и всегда живо интересуюсь, как они поживают, – выдав нагора чудовищную ложь, Елизавета с почтением воззрелась на старуху.

– А знаете, я так и поняла. Как вас увидела – сразу подумала про себя: вот чудное создание! И лицо у вас доброе, лучистое. Сейчас таких лиц почти не встретишь. И вдвойне радостно, что вы совсем юная... Молодежь сейчас отвратительная, наглая, циничная – совсем не та, что была раньше...

– Молодежь – она разная, поверьте.

– Но по большей части – неприятная. Вкусное пирожное?

Резкий переход от молодежи к кондитерским изделиям удивил Елизавету:

– Это не пирожное, это торт. «Наполеон». Я еще не пробовала.

– «Наполеон», чудо! Я его тоже не пробовала – лет двадцать как. С трудом на хлебушек наскребаю... Вот вы спросили – как я поживаю. Плохо, очень плохо. Какая может быть жизнь у пенсионера? Хоть бы сдохнуть скорее, чтобы закончилось это безобразие!..

Сдохни, кто мешает, опять же мысленно произнесла Елизавета и переключилась на думы о китайце. Лучшее в нем, как и в остальном миллиарде его соотечественников, – внешность, которую не сыдентифицируешь даже под дулом пистолета. Достоверно известно, что у китайцев есть глаза (узкие), нос (плоский), волосы (черные), губы (вполне обычные). Кожа у китайцев отдает желтизной, и знающие люди (антропологи, писатели и те, кто с ними спал) утверждают, что на теле – в отличие от головы – у них почти нет волос. Замени одного китайца другим – европеец и не обнаружит подмены. Все те же знающие люди утверждают, что китайцы также не в состоянии отличить одного европейца от другого. Если это правда, то и несчастному китайцу не разобраться, кто перед ним – Елизавета Гейнзе или Кэтрин Зэта-Джонс. Следовательно – Елизавета и есть Кэтрин в глазах китайца. А кто из мужчин в здравом уме и трезвой памяти откажется от красоты Кэтрин?

Никто.

Вот и получается, что китаец легко, как дважды два, мог бы увлечься Елизаветой. А сама Елизавета – в состоянии ли она полюбить китайца?

Все может быть.

Она не расистка и даже знает наизусть кое-что из пейзажной лирики Ли Бо. На последний день рождения Пирог с Шалимаром презентовали ей целебные магические шары Баодинг – *чтобы развивать кисти рук и не только*. На шары налеплены традиционные китайские символы «инь-ян». Традиционным драконам Елизавета обрадовалась бы больше, но дареному коню в зубы не смотрят. Несмотря на навязчивый «инь-ян», держать шары в руке приятно. А вот вертеть их (хоть по часовой стрелке, хоть против) получается не очень. Очевидно, это умение приходит после многократных изнурительных тренировок. А изнурять себя Елизавета не способна в принципе. Так что, покрутив шары ровно пять минут, она сунула подарок в ящик комода, где уже лежали два маленьких ручных эспандера, свернутая скакалка и пятикилограммовая гантель, – и больше не доставала.

Елизавета, кажется, отвлеклась. И так, китаец и возможный роман с ним. Общих тем с китайцем не так уж мало: кроме Ли Бо, есть еще Конфуций и Мао Цзедун. Кто из них жил раньше, а кто позже? – не важно, китаец ее просветит. Китайская пиротехника взрывается в руках, китайские елочные гирлянды выходят из строя через пять минут после включения, срок службы китайской обуви чуть дольше: подошвы ботинок радостно отваливаются только на шестой день. Из всех товаров, произведенных китайцами, безопасными можно считать лишь одноразовые деревянные палочки для еды.

И то – не факт.

Но в разговоре с китайцем Елизавета никогда не затронет щекотливую и болезненную тему производства, она ограничится художественной декламацией Ли Бо.

Жаль, что китаец сидит, – определить, какого он роста, невозможно. Вот бы он оказался выше Елизаветы – хоть ненамного; тогда процесс сближения пошел бы вперед семимильными шагами... Да, она могла бы полюбить китайца, какое счастье! Вопросы с будущим местом жительства тоже не стоит: Елизавета, конечно же, отправится следом за китайцем, в бурно развивающийся Шанхай или вообще – в Гонконг. Она видела несколько телевизионных сюжетов, посвященных Гонконгу: это впечатляет. Чем Елизавета будет заниматься в Гонконге? Какая разница чем – *любить своего китайца*. Она еще никого не любила (имеется в виду юноша, мужчина), но чувствует в себе громадный потенциал.

– ...Вы замечательно слушаете, детка! У меня непроизвольно складывается впечатление, что я разговариваю с близким человеком, старинным добрым другом...

Когда же ты сольешься, старая кикимора?

– Простите, я не предложила сразу... Угощайтесь тортиком...

– А можно?

– Конечно. Я к нему даже не прикасалась.

– Вот спасибо! У вас не сердечко, а бриллиант чистой воды!.. Как, должно быть, счастливы родители, воспитавшие такую замечательную дочь!

Ровно минуту Елизавета выслушивала панегирики в свою честь, настолько витиеватые и траченные молью, что к каждому слову непроизвольно хотелось прищипандорить давно вышедший из употребления «ять». После чего старуха придвинула к себе блюдо с «наполеоном» и принялась орудовать ложкой.

– Приятного аппетита, – только и смогла выговорить Елизавета, с тоской наблюдая, как чудесный тортик исчезает в пасти ее визави.

Тортик – еще полбеда. Хрен бы с ним, с тортиком. Но вместе с кремом и ванильной прослойкой безвозвратно исчез и китаец: старуха так заморочила голову несчастной Елизавете, что она даже не заметила, как соплеменник Ли Бо и Конфуция расплатился и ушел.

Ей никогда не жить в Гонконге – вот жалость!

А она уже готова была полюбить все китайское, ведь (справедливости ради) китайцы выпускают не только кукол Барби с формальдегидными внутренностями, но и вполне сносные компьютеры, MP3-плееры и микроволновки.

– Вы почему-то опечалились, – старуха, закинув последние крошки в рот, снова вернулась к светской беседе.

– Нет-нет, все в порядке.

– Проблемы личного свойства?

– Нет никаких проблем.

– Поссорились с предметом своих девичьих грез?

– С чем, простите?

– С молодым человеком. Кавалером.

– Вообще-то у меня нет кавалера, – непонятно почему разоткровенничалась Елизавета.

– Не может быть! – Старуха театрально всплеснула руками. – У такой красавицы – и нетдыхателей? Ни за что не поверю! Вы, наверное, особенно к ним строги? Предъявляете, так сказать, повышенные требования?

– Есть немного. – Очередная бессмысленная ложь.

– И это правильно. Девушка, молодая женщина должна блюсти себя. И тем желаннее, тем веселее будет приз, который она получит. Вы не расплатитесь за мой кофе?

Старуха назвала ее красавицей – в переложении на нынешний валютный курс это стоило не одной чашки кофе, а как минимум чашки кофе, клубнично-ванильного мороженого и идущего прицепом десерта с ежевикой.

– Я расплачусь, конечно.

– Такая тяжкая жизнь, такая тяжкая... Пенсия только на следующей неделе, а я, как на грех, на последние гроши лекарства купила... У меня сахарный диабет...

– Вот, возьмите, – боясь, что сахарный диабет окажется лишь прелюдией к обстоятельной лекции о всех прочих хронических заболеваниях, Елизавета в мгновение ока достала кошелек и выложила перед старухой две сотенные. Затем, секунду подумав, добавила еще полтинник.

– Господь с вами, деточка!

– Возьмите...

– Ну, раз вы настаиваете... Я буду молиться за вас... За ваше золотое сердечко, за вашу доброту... За то, что вы на мгновение осветили мое безрадостное существование! Поверьте, все у вас будет хорошо, Бог вас не оставит...

Ушлая бабуля давно покинула ее, а Елизавета все сидела, тупо глядя перед собой. Как могло случиться, что она отдала незнакомому человеку почти всю свою наличность? А (с учетом каркадэ, чужого кофе и «наполеона», к которому она даже не притронулась) денег не останется даже на метро. Придется чесать домой пешком, и займет это час, никак не меньше.

Времени навалом, чтобы успеть проанализировать собственную глупость.

Старуха – гипнотизерша со стажем, а сама Елизавета – внушаемый человек. Но дело не только в этом, да и чертова перечница далеко не первая, кто проделывал с ней подобные фокусы. Кто играл на тончайших струнах ее души с той же виртуозностью, что и Карлуша на своем аккордеоне. Если собрать всех нищих, калек и беспризорных детей от шести до шестнадцати, которым она со слезами на глазах подавала копеечку, – ими можно заполнить «Титаник» или Мариинский театр от партера до галерки (приставные стулья тоже учитываются). Раз двадцать Елизавета расставалась с деньгами, вняв призыву «Подайте на русский алкоголизм!», столько же раз поддерживала материально бродячие цирки, домашние зоопарки и собачьи приюты. Что уж говорить о цыганках!

Цыганки в Елизавете души не чают. Прикинься она деревом или кариатидой, поменяй она прическу или пол – цыганки все равно вычислят ее, накинутся не хуже диких зверей и прошепчут вкрадчиво: «Всю правду расскажу! Позолоти ручку, красавица!»

И ведь она золотит эти алчные клешни, вот в чем ужас-то!

Если верить цыганкам, Елизавета уже давно могла стать обладательницей мужа-олигарха (арабского шейха), жить на Лазурном Берегу (в Сочи), рассекать пространство на собственной яхте (самолете, бронепоезде). Ничего этого и в помине нет – следовательно, цыганки врут.

Но, по большому счету, Елизавете совершенно все равно, врут они или нет. Проклятия с их стороны тоже не особенно ее пугают: что может быть горше, чем их с Карлушей полурастительная жизнь? Видимо, все упирается в ключевую фразу и ключевое слово в ней: **ПОЗОЛОТИ РУЧКУ, КРАСАВИЦА.**

Елизавета платит за «красавицу», вот и старухе отвалила приличную сумму.

Но, по гамбургскому счету, старуха заслужила эти несчастные двести пятьдесят *плюс кофе плюс тортик* рублей, она проявила гораздо большую изобретательность, чем цыганки. Ведь к «красавице» оказались пристегнутыми «близкий человек», «старинный добрый друг», «чудное создание» и – внимание, апофеоз! – «у вас не сердце, а бриллиант чистейшей воды». Жаль, что старуха не может выступить свидетелем обвинения на воображаемом процессе **ЕЛИЗАВЕТА ГЕЙНЗЕ ПРОТИВ ЖЕНЩИНЫ-ЦУНАМИ.**

Или она – свидетель защиты?..

Она – хорошая, неожиданно решила про себя Елизавета, *она – мудрая*. Старуха не увидела в ней физических несовершенств, а заглянула в самую душу. Как заглядывают собаки и – иногда – кошки. На кого похожи старики – на собак или на кошек?

На самих себя.

Какими они хотели быть, но так и не стали в силу разных причин и обстоятельств. И стариковское зрение – оно устроено совершенно по-особенному. Не так, как у жестокосердной Женщины-Цунами, и даже не так, как у китайцев. Старики смотрят с вершины холма, и воздух вокруг них волшебным образом преломляется, приближая самое важное в человеке, глубинное.

А что есть Елизавета в глубине ее естества?

Стройная мулатка-сноубордистка, девушка с обложки «Плейбоя» за апрель месяц будущего года, княгиня Монак... да нет же, нет!

Она – обладательница бриллианта чистой воды, перекатывающегося в ее сердечной сумке. И многих других сокровищ. Их столько, что в одном органе им не поместиться, – и они распределяются по разным частям тела, слегка увеличивая его в размерах.

Как прекрасно, наверное, стоять у подножия холма, на котором собрались старики, – и видется им бриллиантом и старинным добрым другом. Из всех атмосферных явлений это больше всего напоминает гало.

Нет, мираж.

До сих пор Елизавете импонировал ветер. Но не тот, пронзительный и порывистый, дующий в ноябре или марте, когда из небесной канцелярии на город спускается депеша о штормовом предупреждении. И не тот, что приходит с моря, освежая разгоряченные пляжным отдыхом тела.

Это некий другой, неизвестно кем вымышленный ветер. Сведения о нем Елизавета почерпнула в одной английской песенке. «To be free, to be wind» – «быть свободным, быть ветром». *Быть ветром – это так прекрасно*, еще совсем недавно думалось ей. Быть свободным еще лучше. Быть свободным означает путешествовать по миру вдоль шоссе дорог, поднимая кверху большой палец. Ни одна машина, ни один трейлер не проедут мимо стройной мулатки Кэтрин-Зэты, каждому захочется получить в попутчицы красотку, свободную, как ветер. Все богатство красотки – маленький рюкзак за спиной...

В этом (вполне, казалось бы, невинном) месте саги о свободе и ветре Елизавета начинает пробуксовывать, как иномарка, случайно попавшая на проселок между селом Зажопьевкой и деревней Великие Грязищи.

Насколько мал рюкзак?

Вместит ли он все необходимое для автономного существования красотки?

Что именно необходимо красотке, чтобы поддерживать свой статус в полевых условиях?

В чью пользу должен быть совершен выбор – косметики или лишней пары трусов? геля для душа или фруктовой маски для волос? Рюкзак, как Боливар из книжки, не вынесет двоих. И потом – «быть свободным, быть ветром» вступает в неразрешимый конфликт с телевизором, горячей водой, удобнейшей кроватью из «Икеи» и прочими благами цивилизации. От них придется отказаться, а к этому (посмотрим правде в глаза) Елизавета не готова.

И не будет готова – ни сейчас, ни в ближайшем будущем. Разве что потом, когда она состарится...

Почему она снова и снова возвращается к старикам?

Старики стоят на вершине холма, и никем не востребованная, не нужная даже собственной матери Елизавета Гейнзе видится им бриллиантом чистой воды.

В голове Елизаветы начинает вызревать странная на первый, но очень привлекательная и умиротворяющая на второй взгляд мысль. И, окончательно созрев, она падает плодом к двери с табличкой «УРАЗГИЛЬДИЕВА А. А.».

...Поначалу силуэт таинственной А. А. Уразгильдиевой прятался за телефонными номерами, затем – за обшарпанными стенами районного собеса. Затем осталась одна лишь дверь, у которой Елизавета просидела полчаса, не решаясь войти. А. А. Уразгильдиева курировала всех социальных работников района и виделась Елизавете чуть ли не богородицей, на худой конец – святой и всех скорбящих радостью. На бумажке, намертво зажатой в Елизаветиной ладони, было начертано: «Уразгильдиева Аниса Анасовна. А-НИ-СА А-НА-СОВ-НА, запомнили? не вздумайте ляпнуть Анфиса Анисовна или еще какую-нибудь дурь типа Анасановны или Онанисовны, это может привести ее в ярость, и я не отвечаю за последствия». Текст записки был застенографирован самой Елизаветой во время телефонного разговора с одним из подчиненных Уразгильдиевой – вполне возможно, тоже святым.

Святым Марсием или святым Илией.

«Аниса Анасовна, Аниса Анасовна», – раз сто повторила про себя Елизавета, прежде чем робко постучать в дверь с табличкой.

Когда же она наконец решилась и услышала в ответ громогласное «Войдите!», силы оставили ее. Единственное, на что хватило несчастной Гейнзе, – просочиться в кабинет и замереть на полусогнутых у входа, ухватившись за дверную ручку.

Открывшееся перед Елизаветой пространство мало походило на небесные чертоги, где смертным бесстрастно и методично воздается по делам их. Это был обыкновенный чиновничий кабинет, набитый бесконечными рядами и стопками скоросшивателей. А от мебели и штор (то ли кремового, то ли салатного цвета) ташило невыразимой казенщиной. Традесканции на подоконнике, карликовая пальма в углу и календарь с бурым медведем на стене, призванные утеплить обстановку, со своей задачей справлялись плохо. Особенно медведь, за густой шерстью которого проглядывал не только значок «Единая Россия», но и физиономия партийного функционера среднего звена.

Блудливая до невозможности.

У сидящей за столом А. А. Уразгильдиевой, в отличие от медведя, человеческих черт не наблюдалось.

Ну не то чтобы их совсем не было, – как раз наоборот: голова, плечи и торс находились на своих местах, все технические отверстия работали нормально. И в то же время внутреннее чутье подсказывало Елизавете – она имеет дело с андроидом.

Прелесть андроидов, широко растиражированных современным кинематографом, состоит в том, что они страшно похожи на людей. И лишь чрезвычайные обстоятельства могут вывести андроида на чистую воду – к примеру, ядерный взрыв повышенной мощности или давление в миллиард атмосфер. Только в этих условиях андроид разлетается на куски, обнажая свою внутреннюю структуру: провода, электронные платы и блоки питания. Кроме того, из андроида вытекает литров пять белой жидкости, по консистенции напоминающей кровь. Андроиды делятся на честных и бесчестных, на врагов человечества и на его друзей.

Кто сидит сейчас перед Елизаветой – друг или враг?

Скорее друг. Врагу не поручили бы ответственный пост покровителя и защитника социально уязвимых слоев населения. Ободренная этой – вполне очевидной – мыслью, Елизавета улыбнулась и произнесла:

– Добрый день, Анфиса Анисовна...

Внутри андроида что-то щелкнуло, его веки приподнялись, и на Елизавету уставилась пара остеклевенных глаз.

Испепелит, пронеслось в Елизаветиной голове, разложит на атомы без последующего восстановления. А ведь меня предупреждали... Ну я и дура!

– Аниса Анасовна, – прогудел андроид хорошо поставленным начальственным басом. – Меня зовут Аниса Анасовна.

– Ну да. Я это и имела в виду.

– Вы по какому вопросу?

– Я бы хотела работать у вас.

– В качестве кого?

– Э-э... Помогать пожилым людям... В качестве социального работника. Вам ведь нужны кадры. Я узнавала...

– Ага, – ни одна эмоция не потревожила бестрепетного лица госпожи Уразгильдиевой. – Ну-ка, присядь. Ближе... Вот сюда.

Последовав указаниям, Елизавета оказалась в опасной близости от андроида, теперь их разделял только стол.

– Ну, рассказывай...

– А что рассказывать?

– Для начала – про себя. Кто такая, как зовут, образование, семейное положение...

Глядя не на Анису Анасовну, а почему-то на партийного медведя, Елизавета отрапортовала об образовании и семейном положении. На смену ее недолгой речи пришла тишина. Настолько продолжительная, что Елизавета забеспокоилась: уж не перешел ли андроид в спящий режим?

Но с андроидом все было в порядке. Пальцами левой руки он выбил на столе причудливую дробь, после чего спросил:

– Что это за фамилия такая – Гейнзе?

– Обыкновенная... Немецкая. Мои предки были немцами. И папа... самый настоящий немец, – неизвестно с какого перепугу зачастила Елизавета.

– Угу. Немец – значит гражданин Германии?

– У него российское гражданство.

– Что ж он не уехал отсюда, как все нормальные немцы? Или возможности не было?

– Была возможность... Но он не захотел... Он – патриот России.

– Патриот... Эх, родилась бы я немцем... Ладно, это к делу не относится. Вернемся к тебе. В институт, наверное, не прошла?

– Нет... В том плане, что я не поступала даже. Сразу к вам. Вот... Хочу помогать людям.

– Это похвально. Только зарплаты у нас маленькие. На поддержание жизни, конечно, хватает, но не более того.

– А мне большего и не надо, – соврала Елизавета.

– И работа не сказать чтоб очень благодарная. Инвалиды, старики... Чаше – то и другое в одном флаконе. А этот контингент – не сахар и даже не повидло. Знаешь, как говорят? В юности прореха – в старости дыра. Это я к тому, что с возрастом лучше не становишься. Только хуже.

– Я так не думаю.

– Сейчас не думаешь. А как повыгребаешь дерьмо – в прямом и переносном смысле... Сразу поменяешь точку зрения.

– Я так не думаю.

– Весьма странное упорство для молодой девушки. Прямо-таки маниакальное. – Андроид недоверчиво хмыкнул и снова выбил пальцами дробь, еще более затейливую, отдаленно напоминающую парафраз на тему знаменитого танго «Кумпарсита». Каким его исполнил Карлуша и – вполне вероятно – Карлушин аккордеонный кумир Ришар Галлиано. – На учете в психоневрологическом диспансере никогда не состояла?

– Нет, конечно. Я просто хочу помогать тем, кто нуждается в помощи. Что же тут странного? и... тем более ненормального, если вы на это намекаете...

– Была у нас одна такая... Якобы бессребреница. Твоего, между прочим, возраста. Тоже втирала очки о помощи всем нуждающимся. И что оказалось в результате?

– Что?

– А то, что у несчастных старух, бывших в ее ведении, стали пропадать деньги и ценности. А троих потерпевших она вообще попыталась уломать на завещание в свою пользу.

– Я не такая. – Голос у Елизаветы предательски дрогнул, и на глазах показались слезы. – Не «одна такая».

– Кто знает, кто знает, – философски заметила А. А. Уразгильдиева и принялась рыться в ящике стола.

Сейчас достанет пистолет с глушителем, с ужасом подумала Елизавета, а доказывать искренность своих намерений под дулом пистолета – непростое дело.

Но пистолет так и не выполз на свет. Вместо него на столе перед андроидом появился стандартный лист бумаги формата А4.

– Будь моя воля – я бы всех потенциальных соискателей места соработника на детекторе лжи проверяла. Для выяснения, так сказать, чистоты намерений... Ладно, пиши.

– Что писать?

– Заявление о приеме на работу.

– А как?

– В свободной форме. В другом случае крепко бы подумала, прежде чем тебя принять, но текучка у нас страшная. Людей вечно не хватает. Вот и приходится брать кого ни попадя. Ты хоть с навыками оказания первой медицинской помощи знакома?

– Нет. А нужно?

– Нужно все. Это ведь старики, сама понимаешь. Ладно, сделаем так. Свяжешься с Натальей Салтыковой, телефон я дам... Она наш лучший работник. И как лучший работник, введет тебя в курс дела и будет опекать на первых порах. Ну, написала?

– Нет еще.

– Да что там расписывать, господи? Сочинений не надо, сочинения в школе остались.

Очень своевременное замечание, ведь Елизавета уже была готова вывалить на бумагу свои трепетные мысли о стариках, стоящих на вершине холма. И об их великодушии, простодушии и кошачьей/собачьей естественности. Но раз ее мнение о старых людях никого не интересует, придется ограничиться унылым: я, такая-сякая, проживающая по такому-сякому адресу, прошу принять меня на работу и тэ пэ.

– Вот, все готово.

– Дату поставь и подпись.

После того как дата и подпись были поставлены, андроид снова завладел листком, бегло перечитал его и наложил размашистую резолюцию.

– Теперь отправляйся в отдел кадров, он в конце коридора, по правую сторону. Оформись – и добро пожаловать в наши ряды.

– А когда приступать к работе?

– Хоть завтра. Пообщаешься с Салтыковой – и приступай.

...Больше всего Елизавета боялась, что ее новая патронесса Наталья Салтыкова тоже окажется андроидом: следуя логике – классом ниже своей непосредственной начальницы А. А. Уразгильдиевой. Но все обошлось – Наталья предстала перед ней во всем блеске зрелой тридцатипятилетней красоты. Человеческой, а не какой-нибудь еще. Красоту эту не смогли испортить ни стокилограммовая туша, прилепленная к голове греческой богини, ни частичное отсутствие шеи, ни полное отсутствие вкуса. Ведь только лишенный вкуса индивид в состоянии напялить на себя расшитую люрексом светлую турецкую блузу из шифона и поддеть под нее черный сатиновый лифчик.

По телефону Наталья отрекомендовалась «роскошной женщиной в стиле Рубенса, если это имя о чем-то тебе говорит», назначила Елизавете неформальную встречу в ближайшем к райсобесу кафе. Внедрившись в искомое кафе и обнаружив там Наталью, Елизавета поразила точности ее телефонной характеристики. Модель действительно оказалась рубенсовской, а не брейгелевской или там кустодиевской – очевидно, из-за все той же почти прозрачной блузы с люрексом, сквозь которую бесстыже проглядывала розовая поросычья плоть с многочисленными складочками, ямочками и припухлостями. Несмотря на общий внушительный тоннаж, руки у Натальи оказались относительно тонкими, а пальцы – изящными. Похожая на зубочистку сигарета, зажатая между средним и указательным, лишь подчеркивала их совершенство.

– Вы Наталья? – почтительно произнесла Елизавета, подходя к столику.

– Точно. – Наталья картинно выпустила дым из ноздрей и указала на пустой стул: – Присаживайся, дева.

– Меня зовут Елизавета.

– Елизавета, ага.
– Заказать вам что-нибудь?
– Можно на «ты». Не люблю, когда мне выкают. И сама не выкаю.
– Постараюсь, – тотчас ступевалась Елизавета. – Заказать ва... тебе что-нибудь?
– Уже пожрала, а так обязательно опустила бы тебя рублей на двести, не меньше. Но кофе выпью.

Расценив последнюю фразу как призыв к действию, Елизавета поплелась к барной стойке делать заказ.

– Два кофе, – сообщила она бармену, смуглому молодому человеку с забранными в хвост волосами. Его можно было принять за араба, а можно – за румына из Трансильвании, потомка Дракулы или самого Дракулу в годы его архетипического расцвета. Смогла бы она полюбить Дракулу, невзирая на неприятный, негигиеничный, но такой необходимый для инициации укус в шею? Наверное, смогла бы – и получила бы за это вечную жизнь. Плюс удовольствия, сопутствующие вечной жизни, плюс пухлый пакет социальных и иных льгот. Узким местом является необходимость постоянно подпитывать себя свежей кровью. Елизавета никогда не решилась бы вонзить зубы в живое существо, но и здесь возможен компромисс в виде еженощных посиделок с бокалом на городской станции переливания крови, вампирам там раздолье и кусать никого не надо. Неизвестно только, понравится ли такое вегетарианство кровожадному Дракуле.

Гм-мм... Лучше бы бармен оказался арабом.

В состоянии ли Елизавета полюбить араба? Все может быть.

Она не расистка и даже знает наизусть кое-что из любовной лирики Омара Хайяма. Общих тем с арабом не так уж мало: кроме Омара Хайяма, есть еще Фирдоуси, Низами и Авиценна. А также хитрющий султан Саладин, неоднократно щелкавший по носу крестоносцев в Средние века. А также – американцы. Американцы почему-то страшно раздражают Елизавету. Если бы они – все до единого – погрузились на космический корабль и улетели к звездам, освободив Землю от своего тошнотворного присутствия, Елизавета аплодировала бы этому факту стоя. Но такой исход событий вряд ли возможен в обозримом будущем.

Никуда они не полетят.

Какие там звезды – они даже до Луны не добрались, хотя утверждают обратное. Умные люди с фактами в руках доказали, что все их передвижения по Луне не более чем разыгранное в голливудских павильонах шоу, но проклятые америкосы продолжают гнуть свое: были – и все тут.

Вруны, гадкие людишки.

Конечно, в разговоре с арабом Елизавета не станет педалировать тему с Луной, она ограничится стандартными антиамериканскими высказываниями, принятыми в среде боевиков Аль-Каиды и прочих военизированных формирований Ближнего Востока. Как лучше обзвать американца, чтобы это понравилось арабу? – гяуром⁶, кяфиром⁷, неверным или просто кукурзным треплом? ***В топку можно забросить всё.*** Они сойдутся на почве неприязни ко всему штатовскому и уже потом откроют друг в друге качества, которые позволяют людям жить вместе. Верность, преданность и терпение (о страсти, толкающей мужчину и женщину в объятия друг друга, Елизавета предпочитает не думать). Да, она могла бы полюбить араба, какое счастье! Вопрос с будущим местом жительства тоже не стоит: Елизавета, конечно же, отправится следом за арабом в Объединенные Арабские Эмираты или вообще – в Марокко. Она видела несколько телевизионных сюжетов, посвященных Марокко: это впечатляет. Чем Елизавета будет заниматься в Марокко? Какая разница чем – ***любить своего араба.*** А также носить

⁶ Презрительное наименование иноверца (у мусульман).

⁷ Человек другой веры (у мусульман).

паранджу, что в ее случае можно считать не глумлением над женским естеством, а – напротив – освобождением от комплексов, связанных с несовершенством собственной фигуры.

В тот самый момент, когда Елизавета совсем было согласилась на паранджу и перелет в Марокко со всеми вытекающими, бармен поднял на нее глаза и на чистейшем русском произнес:

– Вам какой кофе? Эспрессо, капучино, американо?

«Американо», эх. Никакой он не араб!..

– Два капучино.

– Присаживайтесь, – отстраненно произнес бармен, глядя поверх Елизаветиной головы. –

Кофе я принесу.

– Спасибо.

Твое «спасибо» нужно ему как зайцу стоп-сигнал, и нечего губы раскатывать, идиотка, привычно пожурила себя Елизавета и вернулась к столику.

– Я заказала два капучино, – сообщила она, плюхнувшись на стул напротив Натальи. –

Ничего?

– Сойдет. Ну, рассказывай, как ты дошла до жизни такой?

– В смысле?

– Решила прилепиться к старичью. Только не надо вешать мне лапшу о нравственном долге перед обществом и сострадании к ближнему.

– Не буду, – сдуру пообещала Елизавета.

– Итак, что с тобой случилось?

– Ничего особенного.

– Ври больше! Срезалась на экзаменах в институт и посчитала, что жизнь кончена?

– Нет.

– Расплевалась с родаками и в пику им решила заняться ассенизаторским трудом?

– Почему же ассенизаторским?

– Потому что. Проваландаешься со старичьем месячишко-другой – сама поймешь. Или тебе объяснить? Как говорится, предупрежден – значит вооружен.

– Пожалуй что объяснить...

Наталье Салтыковой надо бы выступать в цирке с собственным жонглерским шоу. Кегли, кольца, булавы, горящие факелы и все такое. Блузку при этом можно не менять – пусть остается в ней, такой блестящей и безвкусной, *такой условной*. В цирке все условно – кроме мастерства, разумеется. А Наталья Салтыкова – мастер. На именных кольцах Натальи начертано «старичье», на кеглях – «падлюки», на булавах – «мудозвоны» и «хрычи». Подброшенные в воздух горящие факелы самопроизвольно выписывают: «**и не мечтай, что они скоренько оттопырятся, они еще тебя переживут**». От виртуозно построенных Натальиных фраз воняет цинизмом, и это кошмарный запах. Адская помесь навоза и собачьего дерьма. И кошачьего дерьма, и дерьма всеобщего. Елизавета задыхается в миазмах, ей кажется, что она вот-вот потеряет сознание. Давно пора встать и уйти, оставив на цирковом манеже два еще не принесенных капучино (за них уже заплачено, но черт с ними, с деньгами). *Черт с ними, с деньгами, и с тобой тоже, сама ты падлюка*, тоскливо думает Елизавета. Но никуда не уходит.

Кажется, она вдыхалась.

Определенно – вдыхалась. Цинизм Натальи Салтыковой больше не шибает в ноздри, и то правда – если любишь цирковые представления, приходится мириться с вонью закулисья. Откровение последних двух минут: несмотря на разнузданность и то, что Шалимар называет «хабальством», а Пирог – «жлобством», Наталья Салтыкова завораживает. И не одну Елизавету, хвостатый бармен с двумя чашками на подносе остановился рядом со столиком и слушает Наталью, разинув рот.

Он восхищен.

– Ну, чего уставился, Гаврила? – Наталья поднимает на бармена глаза. – Ставь свое пойло и проваливай.

Она совсем без тормозов, далеко не всякая женщина решилась бы так разговаривать с мужчиной, *со смуглым мужчиной*, чья кровь априори способна закипеть и при более невинном замечании. Втянув голову в плечи, Елизавета с волнением ожидает развязки щекотливой ситуации. Но никакой особенной развязки не наступает: бармен проглотил сказанное Натальей и даже не поперхнулся. Он не отходит от стола, он пятится задом, не спуская взгляда с новой Елизаветиной знакомой.

– Гы-гы, – Наталья так широко разевает рот, что становятся видны старомодные золотые коронки. – Пепельницу поменять не забудь...

В пепельницу она со вкусом засовывает еще одно словосочетание, как подозревает Елизавета – нецензурное. И хулигански-веселое одновременно. Произнесенное другим человеком, оно вызвало бы неприязнь и желание немедленно дистанцироваться от матерщинника, но с Натальей все по-другому. Елизавета и сама не заметила, как подпала под тотальное и не иначе как сатанинское Натальино обаяние. На чем оно зиждется – не совсем ясно. То есть с Елизаветой все более-менее понятно, ее всегда привлекали сильные натуры. Но что нашел в ней парень из-за барной стойки?..

Мужчины устроены совсем не так, как женщины, это неоспоримый факт. Сила женской натуры волнует их постольку-поскольку, куда важнее безупречность поперечно-полосатых мышц и кубики на плоском животе, ими (за астрономическую сумму) можно разжиться в любом фитнес-клубе. Брачные объявления **«ищу стройную молодую девушку до 46-го размера одежды и 38-го размера обуви»** тоже принадлежат мужчинам. Если открутить Наталье ее божественную голову, вынуть из пазов руки и оставить только туловище в дурацкой блузке, что останется? Правильно, жировые наслоения, которые в сумерках легко спутать с горой Фудзи. А при свете дня они и вовсе потянут на пик Коммунизма. И кто тогда, спрашивается, *толстая жаба*? Явно не Елизавета, Елизавета по сравнению с Натальей Салтыковой не жаба, а грациознейшая древесная лягушка агалихнис. Но бармен (хоть он и мужчина) все равно пялится на Наталью, причем с явным вождением. Может быть, он извращенец?

Не похоже.

Человек, сидящий за соседним столиком, тоже не похож на извращенца, скорее – на сотрудника аудиторской фирмы или банковского служащего. Вот уже пять минут он делает вид, что читает газету «Деловой Петербург», а на самом деле исподтишка наблюдает за Натальей. Хоть и без барменского вождения, но со жгучим интересом.

Этому-то что надо?

На корпоративной вечеринке с такой, как Наталья, не появишься: во-первых, коллеги засмеют, во-вторых – начальник многозначительно постучит пальцем по лбу (следовательно, повышения и прибавки к зарплате в ближайшие полгода ожидать не приходится). И наконец, третье: если верны Елизаветины агентурные сведения о корпоративах, туда нужно приходиться в точном соответствии с дресс-кодом. Прикид Натальи Салтыковой, раздобытый в покосившейся рыночной палатке с кокетливой вывеской **«ЭЛЕГАНТНЫЕ РАЗМЕРЫ»**, не вписывается ни в один дресс-код. И вообще – для того чтобы она протиснулась в любую из корпоративных дверей, пришлось бы существенно их расширить по спецзаказу. Заниматься этим в эпоху всеобщей и поголовной стандартизации никто не станет, дураку понятно. Но может, Наталья тем и привлекательна, что попирает все мыслимые и немыслимые стандарты? Может, она настоящее сокровище, из тех, за которыми гоняются на аукционах, а потом навсегда скрывают от посторонних глаз в тиши частных коллекций?

Елизавета еще не решила.

А аудитор все глазеет на Наталью Салтыкову, бармен угорает от безотчетного желания приблизиться к ней, и лишь несчастная лягушка агалихнис выступает в обычной для себя роли: изображает фон. Наскоро сочиненный театральный задник, до которого никому нет никакого дела. Правда, сейчас Елизавета ненадолго оказалась в центре внимания: смотрящие на Наталью так или иначе видят и ее. Какую-то ее часть, профиль (совсем не греческий), спину (выгнутую колесом); зад, растекшийся по стулу, – об этом ужасе вообще лучше не думать! Чтобы выглядеть пристойнее, Елизавета вытягивает шею, распрямляет спину и слегка отклеивается от стула, напрягая до последней возможности икроножные мышцы. Долго в таком положении не высидишь, но какое-то время продержаться можно.

– ...Один пидорас-хроник, девять старых кошелок... нет, их одиннадцать, извини. Сплошь блокадницы, обязательно будут паять тебе, как они защищали Отечество...

– А разве это неправда? – содрогаясь от Натальиного бездушия, спрашивает Елизавета.

– Не вся правда. Я так подозреваю, что в те суровые времена они не гнушались человечинкой. Людоествовали, одним словом. И тебя сожрут, если что не по ним будет.

– Как это – сожрут?

– Фигурально выражаясь. Притаранишь однопроцентный кефир вместо трехпроцентного или еще чего-нибудь перепутаешь – мигом настрочат на тебя жалобу руководству. Копия – в ЦК КПСС и газету «Правда». Те еще прошмандовки, уж поверь.

– А разве ЦК еще существует? – В незамутненном сознании Елизаветы времена ЦК КПСС плотно смыкаются с временами пророка Моисея и блужданием евреев по Синайской пустыне.

– Нет. Только им не говори, не отнимай последнюю надежду на справедливость. Со всем соглашайся, но на голову себе садиться не давай. Пошли дальше. Божьи одуваны мужеского полу. Этых поменьше, всего пятеро. Отставной майор, якобы герой битвы за Берлин, а на самом деле тыловая крыса – раз. Бывший гэбэшник – два, тот еще... Хер Верёвкин! Орудовал в Праге в шестьдесят восьмом. Написал об этом поэму в сто тридцать страниц гекзамером. Не ознакомившихся с поэмой он из дому не выпускает, так что запасайся терпением часа эдак на полтора. Затем идут сподвижник Сергея Королева, соратник Льва Гумилева и последователь Ландау. Эти совершенно безобидные, хотя и выжили из ума лет восемьдесят как. А вот отставного вояку опасайся и жопой к нему не поворачивайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.